

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ 2013

СТИХИ

**Псков
2013**

*Составитель Андрей Бениаминов
Оформление Андрея Бениаминова*

С 48   Словенское поле : Стихи / Сост. А. Бениаминов. – Псков, 2013. – 120 с.

Поэтический сборник «Словенское поле» включает в себя избранные произведения участников одноименного литературного фестиваля, прошедшего в Изборске в сентябре 2013 года.

Ряд авторов сборника публикуются впервые.

Всякое коммерческое использование текста сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

© Авторы текстов, 2013

© А. Бениаминов, составление, обложка, 2013

© Государственный комитет Псковской области по культуре, 2013

© Псковское региональное отделение Союза писателей России, 2013

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ – 2013

В сентябре 2013 года в Псковской области прошёл третий поэтический фестиваль «Словенское поле», объединивший на два дня поэтов Республики Беларусь, Пермского края, Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Пскова и Псковской области.

Не буду рассказывать о самом фестивале, который был достаточно освещён в средствах массовой информации. При желании его легко можно найти на сайте Псковского регионального отделения Союза писателей России «Псковский литературный портал». Отмечу лишь, что с каждым годом фестиваль становится всё более интересным и значимым событием в литературной жизни не только Псковской области, но и России, увеличивается число его участников, расширяется география поэтов, приехавших на поэтический форум.

Фестиваль 2013 года освещался сайтом Союза писателей России, электронными СМИ Москвы, Пермского края, Новгородской области и Башкортостана, рядом литературных сайтов России и ближнего зарубежья.

Доброй традицией фестиваля становится выпуск поэтического альманаха «Словенское поле», включающего избранные произведения участников фестиваля. Несмотря на то что прошедшее мероприятие позиционируется как «фестиваль исторической поэзии», тематика произведений, вошедших в сборник, много шире. Безусловно, центральное место в нём занимают стихи, посвящённые России, российской истории, Изборску, Пскову, героическому прошлому Псковской земли, но кроме этого сборник отражает иные направления русской поэзии. Здесь и религиозная лирика, стихи о России, поэзии и поэтах, философские рассуждения о жизни, и, конечно же, стихи о любви. В одном поэтическом сборнике собраны стихи как состоявшихся поэтов, имеющих своего читателя, авторские книги, многочисленные публикации в сборниках и периодике, так и поэтов начинающих, для которых публикация в альманахе «Словенское поле» стала дебютом. Придирчивый читатель наверняка отметит разный уровень стихов и уровень владения авторов поэтическим словом. Но, как мне кажется, в данном случае это не столь важно. Много важнее передать атмосферу фестиваля и слово, прозвучавшее у стен древней Изборской крепости.

Фестиваль состоялся, позади хлопоты по его подготовке и проведению, встречи, поэтические чтения, обмен мнениями, награждения и поздравления. Но осталась атмосфера сопричастности к значимому литературному событию, российской литературе, русской истории. Осталось поэтическое слово, представленное в этом сборнике, и надежда на встречу в будущем году, на поэтическом фестивале «Словенское поле – 2014».

*Председатель правления Псковского
регионального отделения
Союза писателей России
И.А. Смолькин*

ГОЛОСА ИСТОРИИ
поэтический пролог

*Русь изначальная,
Даль несказанная,
Богом хранимая псковская отчина!
Вновь оживает пред нами воочию
Слово предания –
Быль стародавняя.*

*Стены твои – словно древние повести
Славных деяний,
  воинской доблести.
Храмов твоих купола поднебесные
Господа славят
  молитвенной песнею.*

*Псков дорожит именами святыми,
И среди них, словно поступь державная,
Самое первое псковское имя –
Ольга святая, апостолам равная.*

ОЛЬГА:

*Я кланяюсь тебе, Великий Псков,
Как дочь, как мать, как русская княгиня.
Я пажитями вскормлена твоими,
Водой твоих пресветлых родников.*

*У веси Выбутской, близ острова крутого,
Где на закатах небо бирюзово,
Я бегала босой отроковицей,
Мечтая полететь высокой птицей.*

*Господь судил, и на речной стремнине,
Где воды быстрые бурливы и поныне,
Судьба взвилась, вскружила, словно вихрь,
Произнеся впервые имя – Игорь.*

ИГОРЬ:

*Где лес дремуч и небо бирюзово,
Близ места, что теперь зовётся Псковом,
И над речной прозрачною волной*

Была та встреча, ставшая судьбой.
– Я князь твой, как зовут тебя, поведай.

ОЛЬГА:

– Я роду Гостомысла, имя – Ольга.

ИГОРЬ:

– Отселе путь нам пролегает долгий,
Со мной до Киева поедешь ли?

ОЛЬГА:

– Поеду!

ИГОРЬ:

– И будешь мне супругою отныне,
Надеждою всему честному люду,
И станешь благоверною княгиней
Для всей Руси Великой.

ОЛЬГА:

– Стану. Буду.

Я шла от стен Великого Царьграда,
Где приняла крещение святое,
Чтобы над отчиной, души моей отрадой,
Сияла светом истина Христова.

И над крутым холмом, лесистым Кромом,
Где две реки сливаются в одну,
Нежданное чудесное виденье
Открылось ясно взору моему:
Три Света золотых, как три стрелы,
Пронзили небо яркими лучами
И озарили храма очертаньем
И холм, и лес, и устье у скалы.

И воздала я Господу хвалы
И повелела церковь возвести
В честь Троицы Святой Живоначальной,
И быть здесь граду славному и расти!
Да славится во все пределы дальни
Дом Троицы Святой – Великий Псков –
Отныне, присно и в века веков!

ДОВМОНТ:

Привёл Господь –
Я снова перед вами,
Моими братьями, моими сыновьями.

Одиннадцать немеркнущих веков
Прошло, как встал на стражу Руси Псков.

Умели мы врага булатом встретить,
А гостя доброго – поклоном кротким.
Примите же и вы поклон от сердца
Одиннадцативекового Пскова.

От той поры, когда княгиня Ольга
Здесь положила основание храму
И повелела быти граду Пскову,
Немало повидали эти стены –
И Всеволода мудрое княжение,
И Александра Невского победы,
Да и моей, Довмонтовой дружины
Великие и славные дела.
И сколько их – ливонцев, шведов, прочих –
Об эти стены копьё обломало,
Теперь уж вряд ли кто и сосчитает...

Когда ко Пскову подступался враг,
Был каждый каждому и друг, и брат,
И, нетерпением праведным пылая,
Мы гнали врага до самого до края
Земли родной, усталости не зная.

Век нынешний глядится в век минувший,
Чтобы свою понять вернее душу.
Но и минувший век глядит на вас:
Жива ли вера, что горела в нас?

Готовы ль вы, когда нужда случится,
За честь, за Русь, как за сестру и мать,
Как мы когда-то, с врагом сразиться
И за святую веру постоять?

Нет спору, страшен враг иноплеменный,
Но нет врага страшней душевной скверны.

Коли отступитесь от веры правой,
Тогда любой на вас найдёт управу.
А устоите – устоит и Псков
Отныне, присно и в века веков!

ПЕТР:

Здорово, псковичи!
Я видеть рад,
Что здравствует и ныне русский град
И в псковский юбилейный славный год
На праздник собирается народ.

И то – народу нужны юбилеи,
Гулянья, фейерверки, ассамблеи,
Затем чтоб крепко в памяти хранить
Историю свою. А за такую
Великую историю, как ваша,
Готов и я поднять заздравну чашу!

Когда-то здесь, готовясь к обороне
От шведа, мы крепили бастионы.
Но после были Нарва и Полтава,
И сдвинулась российская застава,
Псков мирен стал. Но будто бы опять
Границу к Пскову стали подвигать.
И кто-то, видно, начал забывать,
Как Псков за Русь умеет постоять,
Тем паче в нас теперь иная сила,
Псков не один – за ним стоит Россия!

Слышал я, что у вас опять реформы.
Что ж, дело доброе, коль не притворно.
В России всем давно пора понять:
Реформы – наша гордость, наша стать
И наша сила! Все сомненья вздорны –
Да здравствуют российские реформы!

Живите долго, весело, красиво!
Будь славен, древний Псков!
Виват Россия!

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

Нет целебней изборских ключей,
Многочисленно бьющих из недр.
К речке Сходнице Барский ручей
Протянулся на шесть километров.

У истока часовня стоит,
Крестный ход совершала здесь паства.
У пророка Ильи мокрый вид,
И сухой есть Илья для контраста.

Ежедневно паломников рать
Ищет, где преклонить бы колени,
А Словенских ключей благодать
На скалистые брызжет ступени.

Их двенадцать – Апостольский знак,
Вдруг напомним, где вера и верность.
В жизнь паломников, словно маяк,
Привнесёт каждый ключ только светлость.

БАШНЯ ЛУКОВКА

Изборско-Мальская долина
И нынче с Луковки видна.
И эта башня как былина,
Она зелейная, одна.
А горизонт у неба синий,
С покровкой месяца в ночи.
Стоит славянская святыня,
И бьют словенские ключи.
Опять потомок гордо глянет
Живой истории в лицо.
А чаша озера туманит
И въёт простое кружевцо.

Ручьи полосками сбегают,
Собралось солнышко днество.
Горой Кукуевкой пугают –
Уж не пришлось бы куковать.
Но есть надёжная примета –
Ряды бойниц над головой.
И строевая башня эта
Как дух славянский, боевой.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Обильный снег кружился, плыл,
Валились хлопья густо.
Тогда февраль суровым был,
Во всей округе – пусто.
И дуб далёкий, как мираж,
А ворон как оракул.
И старый дядька, верный страж,
Козлов Никита плакал.
О чем он думал, глядя вдаль, –
Про вечную разлуку?
Как жалко барина, как жаль...
За что он принял муку?

На сердце – камень, в горле – ком,
Да жив он был намерен!
Но скачут кони напрямиком
К обители последней.
И видит месяц-поводырь –
Взойдёт его планида!
Святые горы, монастырь,
Скупая панихида.
Ещё не раз напомнят нам
О связи поколений
И этот древний белый храм,
И тридцать семь ступеней.

ПРЕКЛОНЕНИЕ

Что не сбылось – значит, это небыль,
И не может быть моей виной.
Преклоняю возраст перед небом,
Синим небом с белой пеленой.

Почему-то взгляд туда стремится,
А самой вовеки не взлететь.
Потому завидую я птицам,
Чтобы к людям зависть не иметь.

Преклоняюсь небу, преклоняюсь,
Для меня его святая высь –
Это все, перед которым каюсь,
И в грядущем нам не разойтись.

Путь единственный с годами ведем,
На орбите – лунная печать.
Преклоню колени перед небом,
Чтоб внимать величью и молчать.

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ

Мы возвращаемся к истокам.
Не важно, рано или поздно.
Мы возвращаемся к истокам
Всерьёз. Иль всё же несерьёзно.
Мы возвращаемся к началу,
В надежде выбрать верный путь,
Дать искру новому пожару
И время вспять перевернуть.
Когда невзгоды и тревоги
Разрушат наш усердный труд,
Мы возвращаемся к истокам,
Хоть нас давно уже не ждут.
Мы возвращаемся к началу.
Прошедшему все круги ада
Даруют не почёт и славу –
Вручают мудрость как награду.
Мы возвращаемся. Поверьте.
Нам жизнь даёт своё ученье.
Но жизни нет, увы, без смерти –
Логическое завершенье.
Мы возвращаемся к истокам.
Как прежде. Нам это не ново.
Мы возвращаемся к истокам
И начинаем жизни снова.

* * *

...И давиться глотками нежности,
Окрыляясь своей беспечностью.
И шагать в океан безбрежности,
Очернённый вчерашней вечностью.
Не любить и не быть любимыми.
Прикрываться фальшивыми масками
И глотать этот воздух невидимый,
Отравляемый сладкими сказками.
И секунды на нить нанизывать,
И теряться в обилии бреда,
Раны старых обид зализывать,
Утопать в океане неба.
И шагать по опавшим листьям,
Разгадать не пытаясь пророчества.
А упасть бы на землю низко,
Раскопать бы своё одиночество...

В ИЗБОРСКОЙ КРЕПОСТИ

Ветер входит и выходит
Сквозь игольное ушко –
Сквозь поросшую травой
Бесполезную бойницу,
Как в незрячую глазницу.
И ныряет глубоко
В скважину старинной башни.
Завтра здесь – как день вчерашний –
Забывается легко...
Забывается, как пыль,
Оседает у подножья.
Только башни, слава Божья,
Холм, ключи, леса, ковыль...
Кто убит в старинной брани,
Никогда уже не встанет:
Рыцарь, кнехт, лихой славянин,
Швед ли, русский – крепок сон.
Камень здесь стоит веками,
Но слова сильнее, чем камень:
В глаз – кто старое помянет,
А забывшим – оба вон.

РОСТОВСКИЙ ЗВОН

Время – в осколки:
Колокол бьёт! –
Жилой воловьею притянутый к небу,
Многопудовый разъявленный рот, –
Не ради зрелища, не на потребу –
Бьёт, потому что качнулся звонарь:
Сердцем, от озера – ввысь, над холмами –
До облаков,
Как ударили б встарь.
Чтоб задрожала земля под ногами!
Брызнули звоном ответным мальцы.
Спелись, с вечерним туманом сплетаясь,
Все голоса, отголоски, концы
И ключевой водой разбежались.
В даль, за пределы, до края, где степь
Полнится звуком гортанным и резким, –
Так безутешно кричит коростель
В сумерки, скрытый травой, в перелеске.

НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ. ДНЕВНИК*

Пусть так же светит свет ваш среди людей.

(Мф. 5.16)

Дрожит, мятётся огонёк
Свечи, в полночи горящей...
Как от России он далёк!
Как тяжёлый крест, на нём лежащий!

Сомнений бес с конца пера
Чернила льёт в его страницы...
Как не хватает здесь добра!
Как тяжело словам пробиться!

Уехать завтра! И, бежав,
Забыть кумирни, крыши, храмы,
Войну и распри двух держав,
Портовый запах Йокохамы,

Жестокосердье в каждом дне,
Кимвал души, пустым звучавший...
Возможно ли? Дай силы мне
Ты, на стезю меня призвавший!

Дай силы не согнуться, встать,
Любить врагов своих, прощая,
И неустанно созидать,
И умирать, благословляя!

Ложатся строчки дневника.
Во мраке день блуждает где-то.
Но светит свет от ночника,
И тьма не одолеет света.

---

*
Архиепископ Николай Японский (1836—1912) — епископ Русской Церкви; миссионер, основатель Православной церкви в Японии. Прославлен в лике святых как равноапостольный. На протяжении своей жизни в Стране восходящего солнца вёл дневник, отразивший трудный путь подвижничества, а также историю создания русской миссии на фоне сложных российско-японских отношений на переломе столетий...

ЮРОДИВЫЙ НИКОЛКА

Краснохалатных псов не счесть.
Слепое небо наклоняя,
Гнедым конём вскрывая твердь,
Царь Грозный медленно ступает.
И тишина, и немота...
Ни гóлоса, ни пеня птицы.
Вдали сверкают купола,
«Уж Псков», – прошепчет кровопийца.
В лице скупая меди синь,
«Все в Кром!» – кричит!
Пряги коней!
Опричники должны казнить
Всех псковичей!

«Идут, идут!» –
Со стен детинца
Кричит толпе седой мужик.
Народ шумит, народ слабеет,
У Бога молит с неба щит.
И, красным цветом заполняя
И так багряный горизонт,
Всю тишь собою затмевая,
Орут убийцы у ворот.
Ударом кожаных сапог
Ещё с не высохшею кровью
Так страшно двинет царской бровью
И дверь с петель снесёт!

«Пошли к чертям, собачьи дети!»
Толкнув хлеба сухой рукой,
Просыпав соль, назло примете
Царь скажет: «Стой...»
Из толкотни народной, разодетой
В кафтаны тёплые и шубы на мехах,
К Ивану с воплем неподделанным
Бежит юродивый в одних штанах,
С мясным куском в руках!

«О Иоанн, отведай-ка мяска!» –
Игриво прокричит нагой блаженный,
И властная твердынь, как зыбь песка,
Рассыплется под ветром суеверным.
«Ты что, собака? Иль забыл, что Пост?
Забыл, что я Царевич православный?
Иди, покуда цел». Но виден схлѣст
Сомнения волн и пыла души царской.

«Ах нет, Иван, какой ты христианин?
Твои персты в крови и пепле новгородском.
Покуда ты знамением крестным
Лишь пачкаешь свой лоб пред церковью псковской.
Ты вдоволь кровушки христианской напился?
Скажи-ка нам, когда же ты постился?»

Не слышен звук ни одного копыта.
Ни крика птиц, ни вздоха, ни стенанья.
В своих кафтанах, уху приоткрыта,
Лишь гулкая мелодия стучанья
Немых сердец. И войско наконец
Припомнило тайник в душе царя,
Раскрытый делом бедняка Христова!
И красные московские князья на все века
Запомнили тот дикий шёпот у народа:

«Смотрите...
Царь садится на коня...»

«Николка город спас...»

«И нас...»

МЕЖА

По родной земле
                                пролегла межа.
Оттого в душе –
                                словно след ножа.
Через яблоню
                                та межа лежит.
Слеза горькая
                                по стволу бежит:
Расчленённая
                                в ночь холодную,
Плачет яблоня
                                буйноплодная...
Я поставлена
                                перед выбором –
У какой реки
                                мне построить дом?
Равно дороги
                                две реки, и жаль,
Что меж Волгою
                                и Днестром – межа...

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ КРЕМЛЬ

На высоком холме, что над Серой-рекой,
В царстве зелени лип и могучих дубов
Александровский кремль за нетленной стеной
Сохраняет покой отшумевших веков.

Князь Василий и первый всея Руси царь,
Чтоб завидовал каждый заморский купец,
Здесь надёжно построили «русский Версаль».
Величав и таинственен ныне дворец.

В белокаменных сводах – хранилище тайн,
Навсегда затворённых на прочный засов.
Кровожадным, роскошным ли был этот край –
В русле лет затерялось немало следов.

В мерном стуке часов, в вихре бурь перемен
Сохранил величавость до нынешних дней
Мастерами поставленный на постамент
Александровский кремль с куполами церквей...

РАЗГОВОР С МАМОЙ

– Не спится, мама? Миг уж до зари.
– Измучена восхода ожиданьем.
Приснились в светлом небе журавли...
Я так хочу наслушаться звучаньем
Рассветной тишины...

А ночью мне в окно
Вспоминаньем хлынул запах сливы:
Нам выжить было сливами дано –
В бесхлебье ели их, остались живы...

Во двор из дома выйду – предо мной
В кирпичных стенах пулевые раны.
В моей душе ужасною войной
Оставлены незримые изъяны...

Безветренное утро, и пока
Без ребятишек пруд – он сном утешен.
Чисты в зеркальной глади облака.
Мир без войны – так безмятежен!

ВСЁ ОТ ПРЕДКОВ

В душе мерцает искра божьей веры,
Как в темноте – желанный огонёк.
Она во мне – от матери, наверно,
В её молитвах, видимо, исток.

А может быть – от Дмитрия, от деда,
Который в осуждёнках был несмел,
Но мудро вёл житейские беседы
И с верою в церковном хоре пел.

А может быть – от крепостной прабабки,
Которая с крестом да с посошком
Сквозь Русь ходила, лишь мелькали пятки,
На богомолье в Киев-град пешком...

Их подвигов божественных примеры
Я чту, оберегая и храня,
И думаю, что искра божьей веры,
Как всё во мне, – от предков у меня.

ДЕКАБРЬ

Декабрь. День двадцать седьмой.
О, как бушует снеговья!..
Наверно, шалой кутерьмой
Поминки правит по Сергею.

Ледящий свист метельных стрел
И звон бубенчиковой дрожи...
Всё то, что он красно воспел,
Теперь рыдает о Серёже.

И ветер, бражник и трубач,
Взметнувшись от земли до неба,
Разносит панихидный плач
Про боль, про быть, про злую небыль.

Летит в простуженную даль
Поминовенный плач печальный..
Декабрь стужный – как скрижаль,
Со знаком нераскрытой тайны.

А снег метёт, метёт окрест,
Ему ж не тайна – тайна эта.
И он крупницею под крест –
По убиенному поэту.

ЧЕЛОВЕКУ

Сначала встань чуть свет, чуть синь,
Тогда увидишь ты денницу.
Сначала зерна в землю кинь,
Тогда ты соберёшь пшеницу.
Сначала отыщи ручей,
Тогда отведаешь водицы.
Сначала склон преодолей,
Тогда вершина покорится.
Сначала дерево полей,
Тогда оно с плодами будет.
Сначала ты согрей людей,
Тогда тебя согреют люди.
Сначала парус распусти,
Тогда и ветер жди в подмогу,
Бывает всякое в пути, –
Взять совесть не забудь в дорогу.

* * *

Уходила с зорькою
Потайными тропками,
Зель искала горькую
По болоту топкому.

Захотела смелого
Я привадить сокола,
Только руки белые
Содрала осокою.

Поколола ноженьки
Тёрном да шипульником,
К полдню занеможила
От пахуч-багульника....

Затевали вылазки
Кулики болотные.
Не сумела выискать
Зелье приворотное.

Возвраталась тропкою
Топяной осоковой.
Моё сердце робкое,
Позабудь ты сокола.

БАБЫ

Пашут бабы на колхозном поле, –
Не вернулись мужики с войны.
Радуются бабы тяжкой доле –
Сеять и пахать на мирном поле
Разорённой ворогом страны.

Ходят бабы целый день за плугом,
Ширится от вспашки полоса.
Надо торопиться, уж над лугом
Жаворонков льются голоса.

Хлебушек посеять в сроки надо,
Дум других в помине нет у них,
Пашут бабы землю до «упада»,
До закатных красок золотых.

А потом, уставшие до боли,
Из полей гурьбой домой идут,
О земной не размышляют роли,
А поют. Ах, как они поют!

Всяк и все в округе затихают,
Слухом к песне льют, как в стынь – к огню,
Бабы же за песней – отдыхают,
Копят силы к трудовому дню.

МОЛИТВА ВО СПАСЕНИЕ

Молюсь за детей и своих, и чужих –
Храни их, Иисусе Христе...
Молюсь за друзей и молюсь за родных –
Прости их, Иисусе Христе...

За тех, кто на полюшке бранном, молюсь –
Иисусе Христе, упаси...
Молюсь за распятую родину Русь –
Иисусе Христе, воскреси!

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ БАШКИР

*...башкирец застонал слабым, умоляющим голо-
сом и, кивая головою, открыл рот, в котором
вместо языка шевелился короткий обрубок.*

А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»

Великий Пушкин знал,
что значит – боль,
и рассказал открыто перед миром,
как умирала крепостная голь
и вырезали языки башкирам.

Он сострадал им...
Как не сострадать,
когда в России в те лихие годы
мог с языком и жизнь свою отдать
любой из тех, кто захотел свободы.

Ну а сегодня я листаю том
великого поэта всенародно.
Мой край свободен, как родимый дом,
и мой язык бытует в нём свободно.

Есть Пушкинская улица в Уфе,
и Пушкину там памятник поставлен.
Есть дух свободы в пушкинской строфе –
в башкирских песнях этот дух прославлен.

Сегодня я –
совсем не тот башкир,
что ни запеть не мог, ни молвить зычно,
что жил, сверкая рёбрами из дыр.
Сегодня я башкир – многоязычный!

Мой голос нынче в каждый дом проник,
ему внимают в высших кабинетах –
то наш великий пушкинский язык
мне открывает двери всей планеты.

Пусть видит ныне весь обширный мир –
и сельский житель, и народ столичный,
как безъязыкий пушкинский башкир
сегодня стал башкир –
МНОГОЯЗЫЧНЫЙ.

НЕ ПОВТОРЮ

*Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ...
М.Ю. Лермонтов*

«Прощай, немая Россия!» –
воскликнул Лермонтов с тоской.
Мели снега, дожди месили
полей распахнутый покой;
от горя бабы голосили,
священник пел за упокой...
Текла история рекой,
года и беды пересилив.
Скажи, страна: под небом синим
ты вечно будешь ли – такой?

Мне так непросто молвить: «Да»...
Но снова вижу, как когда-то:
дворцы сановников – и хаты,
вокруг – рабы и господа.

Ужель и мне теперь дрожать,
боясь всевидящего глаза,
и от гонителей бежать
за горы древнего Кавказа?

Я – сын Урала!
Здесь мой дом,
на стыке Запада с Востоком.
И Лермонтову я с восторгом
хочу сказать в стихах о том.

Я тоже, как и он, люблю
Отчизну «странною любовью»,
но никакой бедой и болью
свою любовь – не оскорблю.

И как ни трудно иногда,
а мой язык сказать не в силе
вслед за поэтом сквозь года:
«Привет, немая Россия...»
РОССИЯ мне –
ЧИСТА всегда!

ОТ СМЕШНОГО ДО ВЕЛИКОГО

От великого до смешного один шаг...

Наполеон Бонапарт, 1812

*Вчера я читал в газетах, что ради освобождения России
от большевиков и её пробуждения к новой жизни надо
эвакуировать Уфу. Сегодня на центральной улице увидел
настоящего француза с отморозженными ушами...*

Ярослав Гашек. «Из дневника уфимского буржуя», 1919

Наполеону – кто мог помешать
явить Европе норы свой и силу?..
Но понял он, придя с мечом в Россию,
что меж великим и смешным –
лишь шаг.

С тех пор прошло уже две сотни лет.
Но не случайно, видимо, что именно
сегодня я –

башкир с французским именем –
опять ту правду вытащил на свет.

Кому-то – смех, ну а кому – хоть плачь!
Гоня французов, конники-башкиры
прошли вместе с Кутузовым полмира,
чтоб по Парижу прокатиться вскачь.

Поди сдержи в порыве к славе наших-ка!..
Век пролетел – и, повторив накал,
Уфа встречала Ярослава Гашека,
что Колчака из города прогнал.

Мечтал ли Швейк,
что этот край под снегом
он покорит однажды навсегда?
Да, он пришёл с оружием сюда,
но покорил сердца народа – смехом.

Он сделал то, что совершить не смог
Наполеон, изранив душу века.
Ведь мы за то и полюбили Швейка,
что он проделал Гашеку помог
тот путь,

что от смешного до великого
ведёт людей сквозь беды и года.
Горит над ним сатирикам звезда,
всех остальных одаривая бликами.

Что нам от войн великих остаётся?
НАРОД читает Швейка –

и СМЕЁТСЯ...

**К 500-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПСКОВА
К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ**

*Псков никому на милость не сдаётся
и ни к кому не ходит на поклон.
Александр Гусев. «Псковские фрески XIV века»*

Летописец, как сурово
О судьбе ты пишешь Пскова:
Видно, вправду велика твоя печаль...
Но потомки, в суть вникая,
Всяк, что ближе, восхваляют:
Аверс, реверс – двусторонняя медаль.

Но не канут в Вечность, други,
Пскова ратные заслуги:
Ведь не раз он Русь Святую защитил!
Лишь пред Грозным он склонился –
Воли-волюшки лишился:
Был свободою наш Псков царю не мил...

За Персями вечевая
Площадь, тяжко изнывая,
В дни лихие те терпела царский гнёт.
И никто теперь не взыщет
За разор и пепелища.
«Эй, опричник, жги, гони – настал черёд!...»

Мокрый ветер камень точит,
Разметая сумрак ночи,
Флюгер мечется, забывши про покой;
Грома вешнего аккорды
Слышит псковский прапор гордый,
Рея вечно над Великою рекой!

ВЕСНА В ИЗБОРСКЕ

Над Изборскою долиной,
Медью сбруи чуть звеня,
Конь крылатый – дух былинный
Мчится отблеском огня.

На коне крылатом всадник,
Весть приносит день за днём,

Что в Изборск приходит праздник,
Что трубе играть подъём.

Что спешить за стены людям
На потешные бои
И сшибаться смело грудью,
Славя доблести свои.

А потом под городищем,
Где озёрный тает лёд,
Конь-крылат прохладу ищет,
Ледяную влагу пьёт.

Солнце к башням льнёт, лаская,
Серый камень золотит.
И певцов пернатых стая
На Словенские летит.

ХРАМУ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ПСКОВЕ

Июльским поздним вечером – теплень
И солнца благодатное сиянье...
У храма князя Невского застынь
И душу распахни для созерцанья.

Могучий храм, столетний исполин,
А хочется обнять его, как брата:
На всю Россию он такой – один,
Приют души российского солдата.

Но лишь у солнца достаёт лучей
Объять и купола его, и стены;
Храм пережил вождей и палачей
И лет лихих крутые перемены.

Всё возвращается, и в этом – жизни суть.
Открой врата под крестное знаменье,
Чтоб в битвах павших горько помянуть
Да попросить у Господа прощенья.

И за живых ты тоже помолись,
Прильнув к Нему душою обнажённой!..

Струится вверх, в безоблачную высь,
Огонь заката, храмом отражённый...

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

Вот они, Словенские ключи.
Серебром дарованного чуда
Я невзгоды всякий раз лечил,
Возвращаясь к ним из ниоткуда.

После, уезжая в никуда,
Вспоминал серебряные струи...
Скажите: «Вода и есть вода!»
Не спешите вывод делать всеу.

По крутой тропе спуститесь к ним,
Оставляя крепость за плечами.
Чайка крикнет: «Тот судьбой храним,
Кто умыт Словенскими ключами!»

САВЕЛИЮ ЯМЩИКОВУ

Ты дышишь воздухом чужим.
В чужих озёрах моешь руки...

А здесь цветные витражи
Церквей печальны от разлуки.
Здесь голосят колокола,
Здесь плачут восковые свечи...

Наверно, в жизни есть дела,
Которые, взвалив на плечи,
Унёс с собой в далёкий быт,
Оставив им тоску и слёзы...

И смотрит храм, дождём умыт,
Вдаль, сквозь уснувшие берёзы.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Нерукотворные пещеры
Хранят нетленные тела,
Которые война без меры
Своей рукой туда клала.

Ни свет, ни звук не беспокоят,
Лишь изредка, войдя под свод,
Очередного упокоят
В пучину бесконечных вод.

НИЧЕГО ЗАДАРМА!..

Ничего задарма!
Всё на строгом учёте –
И тюрьма, и сума,
И друзья, и враги...

Вон с деревьев,
Стоящих ещё в позолоте,
Беспощадная осень
Срывает долги...

И летят пятипалые
Эти банкноты
Прямо в руки прохожим –
Бери не хочу...

Не хочу. И за них
Время выпишет счёты,
По-хозяйски похлопав
Меня по плечу.

НАПОСЛЕДОК

А ты теперь попробуй оглянись,
Ступи назад – не одолеешь шага.
Всё, что тобой не выпущено в жизнь –
По трусости, безволию, из мести, –
Возьмёт себе невзрачная бумага.
Впитает каждый выдох, каждый вздох
Любой строки, которую ты пишешь,
Смесь шутовства, изысканности, лести...
Да, ты – заложник, но, увы, не чести...
И тихое моё: «Храни Вас Бог...»
Того тебя, каким ты стать не смог,
Уже давно не окликает,
Слышишь?..

* * *

Ну давай, базарный лабух,
По душе моей елозь,
Из её больных ухабов
Выкорчёвывая злость!..
Я тебе десятку брошу,
Чуть помедлю, но потом
Растворюсь в толпе прохожих,
Заслонив лицо зонтом.
Размечтаюсь: «Я бы!.. Я бы!..»
Да и сдуюсь на ходу...
Ну давай, базарный лабух,
Прочь гони мою беду.
Нам вдвоём с ней не ужиться
И друг друга не понять,
И придётся насмерть биться
С тенью собственной опять...

ГОРОД

Седой старик... и мальчик,
  лодка в Лете,
мечтатель, мастер, воин и пророк,
хранитель волшебства тысячелетий,
огонь на перекрестии дорог
явился мне в ночи.

  Бесплотной птицей
я пролетал над ним и слышал бой
колоколов,
  сквозящий сквозь бойницы,
и гул толпы разгульно-вечевой.

Здесь было всё – и взлёты, и паденья,
и храм, горящий в ледяной мороз,
и пятна крови на крутых ступенях,
и соль от пота и пролитых слёз.

Свечами куполов, парящих в Лете,
связало время Запад и Восток
в особой точке двух тысячелетий
на перепутье тысячи дорог!

СТАРЫЙ ПСКОВСКИЙ ДВОРИК

Два столика седых, берёзы росчерк
да девять покосившихся столбов,
забывших запах стиранных сорочек,
но сохранивших преданность рабов –
доверие верёвкам, что держали
бесценный груз, застиранный до дыр, –
и простыней любви, и древней шали,
хранящих запах стареньких квартир.

Как тени на заброшенной картине –
уже в забвенье, но ещё в миру,
стоят столбы среди людской пустыни
в земном поклоне старому двору.

* * *

*К картине Т. Соловьёвой
«Церковь Старое Вознесение» (пастель)*

Дымится храм на наковальне неба,
В глазницах звонниц грусть колоколов –
Там чёрный свет и ледяная небыль
Последних слов...

Бреду к нему в надежде на прохладу
Через толпу, просящую гроши, –
Там в глубине ещё чадит лампада
Моей души...

ЛУННЫЕ ЛИРЫ

Лунные лиры,
Юные музы...
Мы полюбили
Дождливые блюзы.
Сотни историй
В нашем портрете –
Млечное море,
Солнечный ветер,

Призрачный поезд, –
Снежная буря
Окна укроет,
Брови нахмуря...
Прячась от холода,
Катят вагоны
В стужу из города
Вечных влюблённых...

Ранние встречи,
Белые ночи,
День на престоле, –
Гения почерк...
Сонные мели,
Талые ливни,
Соло метели, –
Соль на картине...

* * *

Ваша ночь, господин Петербург,
Затянула по самую душу.
Звезды, серыми тучами душит,
Замыкая каналами круг.
Загоняет меня на флажки
Фонарей вдоль бегущих проспектов
И латая каналов прорехи,
Площадей подставляя листки,
Чтоб писал в них свои письма,
Оставляя на память прохожим,
Что на псковских немного похожи.
И прошу без обид, господа.

* * *

Тысяча первый, а может быть, тысяча пятый
День от зимы, но скорее, придуманный год,
Быть тяжело, легче совесть усталую прятать
От размышлений и дум, не войдя в поворот.
Легче смотреть зимою на мёртвые окна,
Чтобы не видеть все то, что творится вокруг,
А под глазами внезапно бессовестно мокро,
И под рубашкою сердца ускоренный стук.
Я бы сменил анальгетики на цианиды,
Только в аптечных киосках сегодня переучёт,
В Питере спорят атланты и кариатиды,
Чем отзовётся 2013 год.

ВСЁ ТАК ЖЕ ПТИЦЕЙ-ТРОЙКОЙ МЧИТСЯ РУСЬ

Всё так же птицей-тройкой мчится Русь,
Века, часы и годы пролетают,
Нам не пристало помнить слово грусть,
Век XXI вряд ли унывает.

Пегасы – вдохновений эскадрон!
Препятствия они преодолеют!
И крыльев шум, и гул копыт – не стон,
Горячий, гордый взор лишь!

Пусть покоряет жизни быстрый век,
Сравнимый так же с лошадиной долей,
Всё так же волю любит человек,
Нрав лошадей и откровений шорох.

ДРЕВНИЙ ГОРОД ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

Один восхода светлый луч
Сквозь горизонты облаков
Своим божественным перстом
Земли коснулся.

На этом месте вырос град –
Прекрасен, ясен и богат,
Он, ликом светел и пригож,
К нам обернулся.

Бежит прибрежная волна,
Как будто локоны волос...
Его река – его жена,
И бликов свет, и тайна грёз.

Иссякли жалко жемчуга
В волнах русалочьих волос,
Но всё же помнят берега
Ладей бегущих шумный воз.

Несли культуру и войну
Украшенные корабли,
Везли пеньку, меха, сурьму,
Друзей, врагов, рабов везли.

Всё гонит киль вперёд волну,
Ты много нового открыл:
Его страну, мою страну
Неведомо соединил.

Трепещет сердце, будто стяг, –
По Ловати идёт варяг,
Идёт ли в дальнюю страну,
Всё гонит киль вперёд волну.

И времени бежит река,
Она веками глубока.
Шуршащий древностью песок...
Девятый век – немалый срок.

* * *

Человек начинает творить
В колыбели, родившись едва,
Не умеет ещё говорить,
А природа в нём сразу жива.

Человек обречён созидать,
В каждом поиске — образ Творца.
Важно людям заботу отдать
И любовью наполнить сердца.

Человек научается жить
Через память о предках своих,
И не рвётся истории нить,
Если песни слагаем о них.

Но поистине счастлив лишь тот,
Кто творит, создаёт и живёт..

ЛИВИЙСКИЕ БУКОЛИКИ

*Мы, бедуины, наслаждались свободой среди
природы, всё было первозданно чистым...
Между нами и небом не было никаких преград.
М. Каддафи*

Хорошенькая порка
Для суверенитят,
Серьёзная уборка,
И стайками летят

Над Сиртом и Бенгази
Чужие «Миражи»...
Я вижу, время грязи
Замешано на лжи.

Стираю пыль на шкафе,
Там буковки «мэйд ин...».

Я помню, что Каддафи –
Поэт и бедуин,

Любитель променадом
Растрясывать бока.
Я знаю, силы НАТО
Раздавят мужика,

И будут, как обычно,
Сношаться племена,
И у меня на личном
Закончится война,

И «правильные» люди
Поделят нефть и газ...
На свете мирно будет,
Когда не будет нас.

РЕКА

Стоим в реке, не видя брода,
Вокруг бурлит поток живой.
Война двенадцатого года
В начале третьей мировой
Воспринимается нелепым,
Картинным дёрганьем дворян...
Смотри, уже горит Алеппо!
Глаза напуганных крестьян
И женщин в Хомсе и Дамаске
Немым отчаяньем полны.
Зачем сирийцам наши каски,
Когда они обречены?
Когда решили саудиты
Набить кому-нибудь табло,
То не рассеются бандиты,
Пока у шейхов есть бабло.

Спросите даже не французов,
А наших юных удалцов,
Они ответят, что Кутузов –
Один из нынешних дельцов,
Барклаев Толя – по продажам,
Денис Давыдов из Едра,
Раевский с Платовым туда же...
Такая славная игра:

Ворота набок! Все в тельняшках
Да по мосту «Багратион»!
А в супермаркете вкусняшка –
Слоёный торт «Наполеон».
То не шиза, не бред кобылий,
То новый русский водоём.
Они былого не забыли,
Они не слышали о нём.

Редут, кирасы, кивер с трупа –
Какие странные словца.
Нет, поколение не тупо,
А просто учится с конца.
Родства не помнящее братство
В героев глянца влюблено,
Ему по кайфу тусоваться
На опен-эйр в Бородино.
Гони печаль, моя старушка,
Не причитай и не бубни,
Я расскажу тебе на ушко,
Что современные они,
Конечно, выдержат экзамен
И будут дальше вытворять,
А нам, умывшимся слезами,
Река истории – нырять.

БРАТ

Цыганка тянет «ай-на-нэ...»,
А я откупорил за брата,
Он видел корпус Богарне
И кавалерию Мюрата.

Свистящей сабелькой рубал
Французам головы и руки...
Сдана Москва, окончен бал,
Но длятся, длятся наши муки.

Смеются чёртовы луи,
Детей российских вырезая.
Галдят капрала холуи,
Скулит брудастая борзая.

Я вторю ей в который раз,
А ты в бою слезу расплавил
И в море вражеских кирас
Гусар израненных направил.

Давай помянем, старина,
Друзей, оставшихся в бурьяне.
Марфушка, нам ещё вина,
Мы очень тихо побуяним.

Мы снова с братом будем тут
Сгорать и спрашивать картечью,
Зачем держался мой редут,
Когда в крови Замоскворечье?

Сражались, порохом дыша,
Напрасно ль мы на поле брани?
Давай до дна, моя душа,
Ты был тогда смертельно ранен,
Я был убит.

* * *

Не говори, что дел на век,
Достаточно недели...
Идёт хороший человек,
Ликует Иудея.

Когорта копьями стучит,
Смеются домоседки,
А с неба капают лучи
На пальмовые ветки.

И все заправлены вином
И смотрят на дорогу...
Не говори, что дел полно,
Не так уж их и много.

Их не на месяц, не на год...
Каифа в ложе вжался,
А, добрый, топал пешеход
И людям улыбался.

У ДЕРЕВНИ СЕРЁЖКИ

ПАМЯТИ

деда Андреева Петра Николаевича,

деда Павлова Григория Павловича,

всех защитников Руси – России посвящается

У деревни Серёжки
В Волге тянется брод...
У деревни Серёжки
Шли солдаты вперёд...
    Шли ребята в атаку
    Штурмовать высоту,
    На кровавую драку
    За родную страну.
Не молили у Бога
Разрешения мстить
И у чёрта подмогу
Не пытались просить.
    Если в сердце досада,
    На врага – наплевать,
    И в стремительном беге
    Вспоминали лишь мать.
Как они погибали –
Помнит купол небес,
Помнят волжские дали
Да берёзовый лес...
    У деревни Серёжки
    Шли солдаты вперёд...
    У деревни Серёжки
    Русской славы восход...

ПРИЗРАКИ

***

Теперь, когда твой дом пройти насквозь,
Не задержавшись даже перед спальней,
Вновь стало и привычней и реальней,
Чем что иное, я, как старый гость,
Знакомый с обстановкой, не могу
Не подивиться славным переменам,
Исчезли двери, стулья, гобелены
[совковые олени на лугу].

***

Исчезла речь в обители мирской.
И запахи — ни пота нет, ни дыма...
Я думал, будто всё здесь повторимо —
И пол, скрипевший каждою доской,
И люстры, и кровать, и даже плетъ
Стенных потёков в тусклом жёлтом свете.
Теперь всё тихо. Некому ответить.
И некому [и незачем] скрипеть.

***

Мне снилось, что ты кашляешь, и я
Спускался вниз в аптеку, и аптекарь
С безумной прытью древнего ацтека
В чугунной ступке смешивал мышьяк
С анисом и солодкою, твердя,
Что от Невы до русла Енисея
Мне не предложат лучшей панацеи,
Тем более в начале февраля.

***

Тем более в моей кривой стране,
Где вдовым лучше быть, чем разведённым,
Где лечат бриллиантовым зелёным
Холеру и чахотку наравне
С укусом комара или клеща,
И лишь завхозу несколько неловко,
Что сыра нет здесь даже в мышеловках
И мыши нынче гибнут натошак.

***

Пергамент пуст. Ни росчерка пера,
Ни битых слов, ни гербовой печати,

Я не пытался что-то завещать им,
Но был расстроен тем, что ни хера
Не взял и не оставил. От броска
На амбразуру выглядишь убого.
Идущего осилила дорога.
Стоящего осилила тоска.

***

А потому не тронь моих химер,
Не развенчай моих ночных кошмаров.
Я стал таким бессмысленным и старым,
Что мой затёртый временем пример
Не сможет стать ни притчей, ни главой,
Ни книгой, ни музыкой, ни музой.
Одной лишь безнадёжно заскорузлой,
Законно незаконченной графой

***

Из списка вечной памяти. Опять
Уходит свет. И ночь над нашей поймой
Уравнивает тех, кто только пойман,
Со всеми, кто давно в плену. И вспать
Срываются ветра, и полоса
Из звёзд мерцает, и шаги все ближе,
И в мире нет ни Вены, ни Парижа,
Реальны только эти голоса,

***

Рукопожатья, вылазки извне,
Петарды, взрывы, окрики охраны.
В засилье снов и крепкого тумана
Мне тоже неуютно в темноте,
Но это – явь, а с явью нужно жить,
Какой бы ни казалась – лучшей, худшей,
Пусть каждый день похож на предыдущий,
Пусть цоколь направляет этажи,

***

Всё – безразлично. Бред. Глобальный трёп.
Срамное место скрыл красивый листик.
Мир преисполнен глупых казуистик,
Тогда как жизнь складывается из трёх
Простых вещей, осколков, полумер,
Несложных игр, смешных движений тела.
А впрочем, мне ни смысла нет, ни дела.
Живи как жил. Не тронь моих химер.

ЛОВЦЫ СКВОЗНЯКОВ

Думали, жизнь, оказалось, ни то ни сё.
Камень да пепел, ножницы да зола.
Кисть не далась Шекспиру, перо – Басё.
Суть объявилась, но выхода не нашла.

Пьяный меандр тихо играл с рекой.
В плавные русла кутались берега.
Думали, осень – и отцветал левкой.
Думали, ночь – и плакала пустельга.

Кай собирал ледышки вечерних Герд.
Вечность жила в осколках своих основ.
Думали, смерть.
И не то чтоб являлась смерть.
Просто Господь менял оболочки снов.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи-засыпай, мой Луций, мой малыш,
За праздным гулом будничных застолий
Уходит свет, и ночь в своём подоле
Несёт тебе на скатах ветхих крыш
Белёсый диск в сверкающей пыльце
И россыпи мерцающего риса.
И мир ещё не больше кипариса,
И боги все в одном моём лице.

Спи-засыпай, малыш Агенобарб,
Дела твои и помыслы незримы,
Сегодня здесь, меж Анцио и Римом,
Пока ещё никто тебе не раб.
Наш дом ещё не стал ничьей тюрьмой,

И все в одну не сведены дороги.
И так тепло, ни боли, ни тревоги,
Спи-засыпай, мой Луций, светоч мой.

Спи-засыпай. Что слава на века
В сравнении с моей любовью нежной.
Как мёртвый пепел Рима, неизбежна.
Как меч, разящий чрево, далека.
Безлика, как остывшая кровать.
Безмолвна, как могильная траншея.

Младенец обнимает мать за шею
И начинает тихо подпевать.

* * *

Это – счастливый день,
Мой самый красивый миг.
Я словно листаю страницы
Добрых и честных книг,
Проживая параграф жизни
В тысячи слов длиной,
У древней стены я каюсь,
Коснувшись её спиной.
Или на старых ступенях,
Солнцем согретый, я
Счастливый сажу... улыбаясь,
У подножия монастыря.

* * *

Ритм биения Сердца
Ведёт мою Линию Жизни.
В миг, когда падают листья
И клином проносятся стаи,

Играет мелодию Скрипка
И дышат так трепетно струны.
Я словно мечтаю растаять,
Согревшись в ладонях у Бога.

И Жизнь привести к абсолюту
Тепла и гармонии в Сердце.
Желая отдать непременно
Радость в открытые Души.

Шёпотом, тихо, с надеждой
Я к вам обращаюсь: «Простите...»
Ведь вы так чисты и прекрасны
В миг, когда падают листья.

* * *

Очистившись душою досконально
От мнимых бед, надуманных опал,
Проснулся рано утром гениальным,
Нет, вру, таким уже и засыпал!

ДЖИНСОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Я из джинсового, из лохматого
Поколения, догмами сытого,
Где была в дефиците Ахматова
И ещё не печатали Битова.

Было лето насквозь профутболено,
А зима – это время клюшкино.
Были драки за бардов до боли, но
В большинстве не любили Пушкина.

Сigaretка и пики с трефами –
Как себе мы казались ушлыми!
Уставлялись скамейки VEFами,
Где «Битлов» запрещенных слушали.

Мы на танцы ходили кодлами,
Полстакана хватив для бодрости.
Драки скопом считались подлыми,
Бить девчонок – вершиной подлости...

... Кто-то сел, кто на стройки выехал,
Кто-то жил деловито и строго,
Но нам всем сознание вывихнул
Атеизм, отлучивший от Бога.
Лишь теперь, часть жизни итожа,
Я встаю перед ним на колени:
«Сохрани и спаси нас, Боже,
Наше пропитое поколение».

* * *

Не суди обо мне всерьёз,
Мол, совсем о тебе забыл.
Просто грусть моих папирос
Пригасила горячечный пыл.

Бесполезная суета,
От неё завелась мигрень,
И не хочется ни черта
В неприметный и тусклый день.

Может, я не туда бреду
Или раньше не тех отверг,
Но, если вхож я в твою среду,
Неприменно войду в четверг.

Я рванусь из последних сил,
И пускай на дворе не май,
Я весну тебе пригласил.
Здравствуй, Пятница! Принимай!

* * *

Я в деревне. Маятно и сыро.
Аист кружит над соседним домом.
Вынул душу и латаю дыры,
Не курю и не хожу к знакомым.

А не врать – то и знакомых нету,
Хоть родился здесь и многих знаю,
Но вот-вот и грянет бабье лето
Ностальгии чистыми слезами.

Где-то лоси протоптали тропы,
Куропатки выводком в пшенице,
Вот косуля пронеслась галопом –
Ей от страха не остановиться.

Солнце в небе – редкая монета.
Хоть бы на мгновенье ветер замер.
Но вот-вот и грянет бабье лето
Ностальгии чистыми слезами.

* * *

Жизнь не дано предугадать.
На афоризмы люд податлив.
— Талант обязан голодать. —
Я много лет уже талантлив.

Не потребляя граммов сто
И редко посещая хлебный,
Невольно думаешь о том,
Что голодание целебно.

Вверху, откуда все видеть,
В журналы хмурятся сурово:
— Как бы немного похудать? —
Зато внизу мы все здоровы.

* * *

Печь, привычная к нагреву,
Сигареты вязкий дым,
Три куплета, два припева,
Бога лики.
А под ним,
Тень от лампочки качая,
Пью вино, один пляшу.
Я сегодня не скучаю,
Скуку я не выношу.
К черту ссоры, расхожденья,
Я себе сегодня рад.
Отмечаю день рожденья
И не требую наград.
Детям пусть подарки дарит
Добрый Гена-крокодил...

Все же я хороший парень,
Хоть и праздную один.

* * *

Все реки, говорят, впадают в море.
По-моему, все это ерунда,
Меня ещё никто не переспорил,
Что жизнь-река впадает в никуда.
И, если мне обратное докажут,
Перед иконой я зажгу свечу,
Чай заварю и маслом хлеб намажу
И уходить от Вас не захочу.

* * *

Бедный домик стоит сиротливо,
К одичавшему полю припав,
И окошечки смотрят пугливо
На колючие заросли трав.

Так давно эти травы не косят,
Что иссяк, обезжизнил их цвет.
Мусор здесь из избы не выносят,
Потому что и мусора нет.

Отчего же мне так невозможно,
Так тревожно в груди и светло?
Будто кто-то с тоской осторожной
Сквозь разбитое смотрит стекло.

Будто бы мне и вправду есть дело,
Будто бы подглядеть я смогла:
Как здесь чья-то весна отшумела.
Как здесь молодость чья-то прошла...

* * *

Поманишь – и сердце готово
Умчаться в чужие края...
И все же – роднее родного
Унылая эта земля.

Земля, где так тихо и пусто,
Где смотрится в озеро день,
Где так упоительно грустно
От дышащих в ночь деревень.

Земля то в стогах, то в погостах –
Что хата в резных образах...
Где все так правдиво и просто,
Что больно зажмурить глаза.

Вот взлетело ведро. Показалось – взлетело до неба,
Показалось на миг, что огромная ночь коротка.
Показалось на миг, что звездáми усыпана верба, –
Золотую звезду, как игрушку, срывает рука.

Что нам холод чужих и навек обездоленных пашен,
Где не пело копые, никогда не взлетала стрела.
Крик – он страшен вчера, а сегодня он тих и не страшен,
Здесь звезда под рукой и такие стоят вечера...

Здесь ведро о хрусталь разбивается гулко и звонко
И не слышно, как сруб подымался и рос на «ура».
«Отпусти, отпусти!» – это голос чужого ребёнка,
«Освети, освети!» – это пламя чужого костра.

А над строгим холмом одиноко звезда полыхает,
И, как раненный страж, крест,
                                слегка накренившись, стоит.
И взлетает ведро и куда-то всё недолетает,
Догорает звезда – почему-то всё не догорит.

Поэту дали пистолет. Поэту – дали!
Заместо далей и карет, вместо талий.
Взамен гусарских эполет
Поэту дали пистолет...
И пулю круглую в живот
Поэту дали.

Поэту дали пистолет в живую руку,
Как будто может он держать такую штуку,
Чтоб осквернилась на века чужим предметом
Одна нежнейшая рука – рука поэта.

Поэт умеет восхищать и восхищаться,
Он может вызов принимать и отказаться,
Бокал шампанского пускать рукой по кругу,
Ах да, конечно же, держать другую руку!
Он может рифмой на ходу вас уничтожить...
Но убивать? Но убивать – поэт не может!

Не в том тут дело, что рука его дрожала,
Что на ногах его земля не удержала,
Ведь если б даже он тогда убил Дантеса –
Он все равно бы не убил тогда Дантеса.
И как бы там ни изощрялся после пресса –
Он защищал бы честь поэта от Дантеса.

И потому не он убил – тушите свечки!
И потому там кровь его, на Чёрной речке.
Виски сжимаю с наступающим рассветом –
О, лучше не был никогда бы он поэтом!
Был светским щёголем,
Картёжником,
Повесой...
Тогда бы он наверняка
Убил
Дантеса!

* * *

Послушай, повернём обратно.
Отыщем станцию одну,
Где домики так аккуратно
Стоят, прижавшись к полотну

Почтенной странницы-дороги.
Где дали тихи и ясны,
Где женщины нежны и строги,
Мужчины с виду холодны.

Мы их просить с поклоном будем,
Привычный лоск сбивая с губ,
Чтоб помогли всем миром люди
Нам на земле поставить сруб,

Чтоб некручёные паркеты
Сбивались в стружке до колен,
Чтобы семейные портреты
Глядели с деревенских стен.

Чтоб воду черпать из колодца,
Играя дужкой у ведра,
И видеть, как заходит солнце
За край соседнего двора.

Чтобы гулять в осенней роще,
Жука разглядывать в траве...
И знать, что мир нежнее и проще
Фантазий Глюка в голове.

ВОЛЬНЫЙ СТИХ

Историк, не суди мой вольный стих,
где суть не в дате и не месте боя.
Уходит время, проводив одних,
встанут другие: Родина, с тобой мы!
Подчас они неведомы, пути.
И сроки переменчивы. «До встречи!» –
А к ней, желанной, ехать и идти,
испытывая холод, голод, сечу.
Княгиня Ольга, снова мой отряд
ушёл в поля, за реки и дубравы,
где супостата полчища стоят,
желая смерти или бранной славы.
Но я в надежде: отомстив врагу
за пепел сёл, поруганные судьбы –
услышать новгородский медный гул
святой Софии...

Об огне орудий
забыть за праздной трапезой смогу.
Подсядь ко мне, Княгиня из княгинь,
медовый кубок пригуби во славу
Князь-Александра, что не для гордынь
водил войска и перешёл Каялу.
Но вижу: ты присела, да не так.
Неужто Бог сподобил нас к потомству?
Что ж, в ножны меч, пора мне за верстак,
чтоб колыбель мальцу пришлась по росту.
Пусть крепнет наша русская земля,
тучнеют нивы, и плодится птица,
и скоморохи в праздник веселят,
и не теснит налогами Столица.
Хочу, чтоб в банный день и в день святой
была ты рядом – в теле и с улыбкой,
чтоб были мы счастливою четой,
чей Княжич-сын посапывает в зыбке.

ТОПИМ ПЕЧИ

Топим печи, ночь темным-темна.
За окном то тишина, то лай.
Знаешь, милая, налей-ка мне вина,
летней мяты в чайник наломай.

Не звонил давно московский друг.
Может, и звонил, да нет меня.
Звёзды свой распахивают круг,
из дому на улицу маня.

Ветер рвётся к нам из тёмной чащи,
нагоняя облачность и снег.
Может, жизнь где и теплей, и слаще,
но и здесь на месте человек.

Спят дрова, уложенные в кладку.
Утром снег с дорожек уберём.
Ты капусту станешь квасить в кадке,
я в лесочек сбегая с ружьём.

ОДНАЖДЫ

Однажды ночью сердце скажет «стоп».
Душа взлетит к заоблачным высотам
и очередь займёт у Божьих стоп,
всеожиданьем мучаясь: так что там?

Её отмолят братья на земле
за все грехи, в чем волен и неволен.
Лишь сам к земле не опущу колен,
и ляжет тело вглубь у колоколен.

РОДИНА

Она приходит в чёрных рваных ботах,
я становлюсь пред Нею на колени.
Вода и хлеб, война и вновь работа,
в лампадной копоти Христос и рядом... Ленин.
И каждый день – как Судный, как расплата
за веру, за сердечность и терпимость.
И брат богатый, предающий брата,
да мёртвых деревень погост и сирость.
«Казанская» оплатит и отпустит
её грехов извечную невольность,
и тень бунтов, погромов, революций
захочет в плоть одеться и резонность.

ЛЕШИЙ

Леший – хозяин лесного богатства,
вызрел я в недрах славянской общины,
в сказах я – нечисть, и надо признаться,
нет веселее и злее мужчины!

Зеленоглаз, корноух и в сединах,
всё наизнанку, всё справа налево,
я под былинкой укроюсь в низинах,
вырасту выше могучего древа.

Всякий входящий в мой лес заповедный
шапку снимал, испрошал разрешенья,
с добрым, учтивым я не был зловредным,
шкodaщим мстил, не спускал прегрешенья.

Нынче леса вырубаются жадно
(пни и колдобины леших изводят!),
мусорят в них, выжигают нещадно...
Русь, трепещи! Уххх, начну колобродить!

КИКИМОРА

Кикимора болотная,
отстань от Лешака!
От зелья приворотного
свалял я дурака!

Взял девку, к злу охочую,
с лица – мордovorот!
С фигуркою обточенной,
где зад, а где перёд,

не видно из-за удочки,
на голове кудель,
и по ночам ни чуточки
не греет мне постель.

В дворы заходит нехристей:
пугает, щиплет кур.
Гремит, по дому вертится –
кричи хоть караул!

Не даст покоя жадному,
неряшливых доймёт...
Мне б сплавить ненаглядную
во глубину болот.

Да силу нешутейную
от Мокоши взяла...
И жизнь влачу семейную.
Такие, брат, дела!

БАБА-ЯГА

Тайну древнюю открою –
корни тайны вряд ли сыщешь:
Бабки-Ёжкино жилище –
на границе Света с Тьмою.

На опушке дверью к лесу
прижимается избушка.
Тесто мудрого замесу
ставит в печь, шепча, старушка.
За оградой частокольной
мир загробный душ бессмертных,
а живые добровольно,
в долгих поисках, но тщетных
за советом и подмогой
к бабке той, колдунье вечной,
в мёртвый лес торят дорогу,
несмотря на знак зловещий –
череп и огонь в глазницах!
Кот шипит, пёс беспородный
лает, старый ворон злится
на пришельцев неугодных...

И не все совета взыщут!
Тем доверится старуха,
кто, отведав мёртвых пищу,
не утратит силы Духа.

С чистым помыслом входящий
в Лес, где нежить и печали
(помнишь, в сказках мы читали?), –
долю лучшую обрящет...

* * *

И только вороны над полем,
и поле одно впереди.
То ли пришли мы, то ли
некуда больше идти.

И домика нет с мезонином,
дураков нет, и нет дорог –
после Бога эту картину
дорисовывает Ван Гог.

И здесь ничего не случится,
ничего не произойдёт.
Только в поле среди пшеницы
асфodelь расцветёт.

* * *

Квартиру заполняет пустота,
два стула, ты, диван и занавески,
уверенность, что ты умрёшь тогда,
когда в квартире станет слишком тесно
и место, исключительно твоё,
заполнится той самой пустотой.

Ещё бывает пустота внутри –
она смиряет с пустотой внешней
и помогает, что ни говори,
среди вещей быть настоящей вещью,
меняя смертью в комнате своей
лишь общее количество предметов.

ИЮЛЬСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

В июле тебе особенно тяжело:
слова прилипают к памяти, язык к гортани,
и разливают в крови тепло
вино прошлогоднее
и солнце, севшее за горами.

В доме давно занавешены зеркала,
но слезится зрачок от прилипшего отраженья
той, кем я столько лет жила
и умирала в твоём
чахоточном воображеньи.

И взгляд прилипает, единственное, к звезде,
к звезде, что погасла в какой-нибудь Альфа Центавре,
когда отражался лишь Бог в воде
и только папоротник расцветал
в парке центральном.

И чай наливает невидимая рука:
от дыхания безносой колышутся черные травы;
только смерть выходит за старика
и ночью заводит часы,
сломавшиеся с утра, и

стакан подаёт с памятью о воде,
ради которого пары доживают до смерти,
зная, что рядом совсем не те,
с кем закроешь глаза и почувствуешь
нестучащее сердце.

И ветер колышет чуть пожелтевший тюль,
и бьётся неслышно чашка из перламутра.
Так заканчивается июль,
и стучится в твоё окно
всегда наступавшее утро.

* * *

Запылённое небо развесило тряпки.
Под ногами лежит то ли прах, то ли путь.
Видно, что-то сломалось в привычном порядке:
и других не сыскать, и себя не вернуть.

В час, когда имена позабыты и даты
и случайные тени шныряют в ночи,
где же голос, к спасению звавший когда-то?
Отчего ж ты, вития, так долго молчишь?

Он слова собирал, вспоминая молитвы, –
утекали они, как сквозь пальцы – песок.
И шептал невпопад тексты песен забытых,
воспалённые веки раскрыв на восток.

А когда и молитвы, и мысли иссякли,
по земле обожжённой ушёл человек...

И разбились о камни тяжёлые капли
и надежда на будущий Ноев ковчег.

* * *

Тополь, подпирая небосвод,
в толщу дней глядит с немым укором.
И тропинка робкая ведёт
к старенькой скамейке у забора.

Здесь и тени поросли быльём...
Только почему-то год от года
окон заколоченный проём
не пускает душу на свободу.

Этот груз не разделить ни с кем.
Горький крик не вырвется наружу.
Тихо дрогнет жилка на виске,
и морщинки сделаются глубже.

Ни в погонных метрах, ни в рублях
не измерить дедовские хаты...
На таких вот сизых тополях
выбьет время памятные даты.

* * *

Между тучами – краёшки неба синего –
окна в истину – прозрачны и чисты.
Словно в зеркало, глядится Ефросиния
в неразбуженные воды Полоты.

Ночь хоронится в трепещущем осиннике,
много тёмного выдавшем на веку.
И в зарю идут былинные дружинники
из мифического «Слова о полку».

Ни вернуться в эти дали, ни покаяться,
ни откликнуться на этот вечный зов...
Только стрелы Перуновы отражаются
в спелых луковицах здешних куполов.

Оттого, видать, в Христово Воскресение,
находясь от просветленья в двух шагах,
вдруг душа рванётся следом за Есениным
Русь оплакивать в московских кабаках.

* * *

Заалеет закат,
тихо звякнет ведёрко в колодце,
глухо скрипнет скелет
заколоченных дедом дверей.
На вечерней заре,
как всегда, начинает колотиться
ворох прожитых лет,
что судьбе отдавались за так.

А вокруг – ни души.
Только серая пыль огородов,
на которых весной
густо всходят крапива да сныть.
Не спеши уходить,
не забыв обратную дороги:
по земле за тобой
твоё прошлое змейкой шуршит.

Этот пасмурный век
заметает забытые тропки,
и в колодце вода
неизбывной полынью горчит.
Разлетятся грачи,
но в попытке – безумной и робкой –
ты вернёшься сюда,
чтобы вспомнить, что ты человек.

* * *

*На земле была одна столица,
все другое – просто города.
Г. Адамович*

Здесь не «бьётся Нева о холодный гранит»,
не поёт под ладонью ограда литая...
Этот город свои кружева мастерит,
настоящее с прошлым упрямо сплетая.

Здесь над старою ратушей кружит листва
и взлетает Шагал над шуршащей аллеей.
Здесь поэт подбирает такие слова,
от которых осеннее небо теплеет.

Мелкий дождик дорожки к утру навошит,
пробежит по мостам, не жалея сандалий.
И согнётся под лампой седой часовщик,
починяющий время в еврейском квартале...

Чтобы призрачных лет удержат череду,
чтобы терпкой истории вдоволь напиться,
я по древнему городу тихо пройду,
как по дремлющей в золоте лучшей столице.

* * *

Над городом летели журавли,
а город спал, укутавшись в столетья,
и крылья распростёртые цвели
над дремлющей Двиною на рассвете.

Звенели в небе птичьи голоса,
фонарь из-под руки глядел на стаю,
и только старый витебский вокзал
встречал гостей, как много лет встречает.

Над городом летели журавли...
И можно было жизнь писать сначала.
Но улицы морщинами легли,
и ратуша о прожитом молчала.

ГОСУДАРЬ

I

Есть у меня своё море
И собственная столица,
Славно в моём просторе
Живётся зверям и птицам.

Руки мои для драки
И для пера сподручны,
Наливаются мои элаки,
И стада мои тучны.

Есть у меня подруга,
Перси – что груши спелые...
Но... Опускаются руки...
Что-то не так я делаю!

II

Мой замок почти разрушен,
И войско моё разбито,
Ров перед замком осушен,
Меня покинула свита.

Королеву сразил мой лучник, –
Врагу открыла ворота,
Без неё мне не будет лучше,
Но... меньше одной заботой.

Теперь мой удел – изгнание,
Буду пасти овец,
Буду делиться знаниями
С жителями окрест.

Без ласки, без поцелуя,
Без желанного тела
Через века пойму я,
Что же не так я делал!

СВОБОДА

Я решил, что можно просто расправить плечи
И получить, как дань, завоёванную свободу.
А потом пережить все банкеты, букеты, речи,
Дальше жить и плевать на новости и погоду.

Я решил, что можно шире расставить крылья
И потом парить, озирая свои просторы,
И дышать не смогом, не дымом с пылью,
На ночлег выбирать долины, поля и горы.

Я забыл, забавляясь звоном хрустальной льдинки,
Что свобода стекла – разбиться, а дерева – стать золою,
А моя свобода – идея, фикция, просто дымка.
Я её обрету, лишь обнявшись навек с землёю.

АПРЕЛЬ

Валентину Заславскому

А игра моя – совсем не игра,
Как нащупать мне твою параллель?
Если только доживу до утра,
То, наверное, наступит апрель.

Не предчувствие, а чувство беды, –
Лодка жизни налетает на мель.
Если только доживу до среды,
То, наверное, наступит апрель.

Соскоблю с души бездушную прель
И покину ненавистную клеть.
Если снова наступает апрель,
Значит, можно ни о чём не жалеть...

НА ПСКОВЩИНЕ

От скособоченной деревни
До травяного колтуна
Шум ветра, лёгкий и напевный,
Увёл в былые времена.

Здесь вязь тропинки иван-чайной
Сверкает в утренней росе,
Границу битв обозначая
И тая в лесополосе.

По травам высохшим, колючим
Иду задумчиво назад...
Я опоздала... Только тучи,
Как души воинов, летят...

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

По следу воинских преданий
Ушла дружина в память дат.
За сбитый край дороги дальней
Скрывается сырой закат.

Безлюдье – как в канун сражений.
Волной от лодки рыбаков
Колышутся нагроможденья
Соборных глав и облаков.

Минули дни, когда с Ояти
В Константинополь шли лады;
Ко Пскову – княжеские рати.
Все тонет в хмуром забытьи.

И только западная башня
Весь день и вечер дотемна,
Угрюмо помня век вчерашний,
К стране врагов обращена.

МОНАСТЫРЬ У ЗАСТАВЫ

Возле ног сквозь тонкий бархат пыли
Синью глаз вещают васильки –
Этим трактом в Суздаль проходили
Князя Боголюбского полки.

А теперь заставу на ополье
Сделал домом хищный нетопырь.
Воронов да чаек богомолем
Стал давно забытый монастырь.

Крепкие ворота в старых ранах,
Ржавый и недвижимый засов...
Рушится ограда. Покаянных
Не слышать монашых голосов.

Стены с отколовшейся известкой
Зарослями скрадывает плющ.
Рамы обрастают мховой шёрсткой –
Лес неистребим и всемогущ.

Глядя вглубь времён, стучу в окошко –
Еле различимое в пыли.
Деды, поднимитесь хоть немножко,
Гляньте васильками из земли.

**ЖИТЕЛИ ДОМА 21/5
ПО КУЗНЕЦКОМУ МОСТУ**
(из поэмы «Семь»)

В коммуналках соседи, покалеченные войной, –
дяди Васи и дяди Феди – породнились
судьбой одной.
Их за космы война потаскала,
потрепала, пожала, побила.
Подружила. Нуждой побратала
(тех, конечно, кого не убила).
Под гармошку на каждый праздник
собирались и как веселились!
Не чужим был соседский проказник –
то все мы потом разделились.
Во дворе собирались: кто в карты,
кто-то «рыбу» забить в домино,
безобидными были азарты.
Клуб в четверг привозил кино.

Им тогда было, в общем-то, ясно,
кто они и зачем живут.
По привычке немного страшно,
в остальном хорошо (не лгут).
Нет войны, хлеба тоже – вдоволь,
каждый год понижение цен;
демонстрация Первого мая
вновь прошла у кремлёвских стен.

А вот я – потерялась: себя не сыщу.
Нет в углах, под кроватью, в коробках.
Зеркалам-то давно уж не верю ничуть,
в отражениях глаз мне неловко и робко.
«Где я – есть? – всё ответ не найду. –
Я – та девочка? Сейчас – настоящая?»

«Ты – ни та, ни другая, брось эту байдю!
– заявляет последней стоящая. –
Место “я” – между буквиц-сестёр;
по словам с ними “я” пораскидана,

если сам произнёс, написал их, не стёр;
лишь твоим – от души – “я” и придана.
Разрешенья не стану просить у тебя,
– своевольная буква артачится, –
ровно так, как ты сам, это делает “я”».

Значит, в этих стихах – настоящая я;
в каждом вдохе и выдохе прячется.

Телевизор пока не знали; холодильник
был не у всех.

И еды на семью покупали
мы тогда много меньше. Эх!
До чего же была она вкусной!
Не сравнить, что едим сейчас,
Вы доверьтесь оценке устной,
не попробовать вам тех колбас.

Не увидеть таких коридоров
и, зажавшись, не ждать туалета, –
повторять я не стану той песни,
что Высоцким была уже спета.

Только в снах иногда – в ускользающем мире:
спит сундук. И вздыхает паркет по квартире,
восемь ног торопливых он множит на семь.
Телефон – восемь рук

(его номер: «Б8-9-3» и «0-7»).

ПРО УХОДЯЩИХ

Говорят, есть покруче,
Жизнь могли побороть,
Говорят, самых лучших
Забирает Господь.

Кто разбился в машине,
Кто пошёл воевать,
Если смерть поспешила
Поскорее забрать.

Без заштатного нимба,
Без тычков по плечу
Я живу и не гибну,
Только землю копчу.

Рассыпаю послушно
Слов ничейный горох.
Лучший я или худший?
И настолько ли плох?

ДОБРО

Ст. Куняеву

Раз нет спасенья в Божьем храме,
Раз так слаба Россия-мать,
Добро должно быть с кулаками,
Иначе нам не устоять.

Не защитишь в бесплодных думах
Покой любимой стороны,
Должны быть чувства вечно юны
И по-мальчишески ясны.

От этой формулы чеканной
Не блекнет слова серебро:
Добро должно быть с кулаками:
Ведь лишь тогда оно добро.

Хотеть — не значит удержаться,
Беречь — не значит уберечь,
В кровавой глобалистской жатве
Неся не мир, но прежде — меч.

И если хлеба — стылый камень
И мутно чёрное окно,
Добро должно быть с кулаками.
Должно быть! Всё-таки должно!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Снова, через много лет,
Поклонись родной сторонке,
Хлеб черствеет на столе,
Соль сыреет зря в солонке.

За избой белеет крест,
Из бурьяна прёт орешник,
Затянул ты свой приезд,
Всё уже не будет прежним.

Поменялись даль и высь,
Годы, месяцы, недели,
А теперь — не торопись,
Мыши хлеб давно доели.

Дом кривится невпопад,
Оставаясь вечной болью,
Дом, что выше всех наград,
Где встречали хлебом-солью.

ЗЕМЛЯНИКА

На пригорке, за ручьём
Вновь поспела земляника,
Воздух пахнет жарким днём,
Солнцем, небом, птичьим криком.

По краям густая сныть,
Редколесье из осинок,
На развилке у сосны
Среди мха следы росинок.

Облака — как терема,
Пчёл причудливые рои.
Улыбается шаман:
Велес мудро всё устроил.

Посреди лесов и вод,
Где и снегом даль согрета,
Длится вновь круговорот
Увядания и расцвета.

Посох расписной в руке,
Филин на плече шамана,
Что шагает налегке
У подножия кургана.

А вокруг порядок, лад,
Как предписано веками,
Земляничинки горят
Из-под листьев светлячками.

Помнят тени из-под крон,
Помнят поминальный вечер,
Земляника — это кровь
Князя, павшего при сече.

Ровно в сердце бьётся свет,
Вместо слёз стезя простая,
Ведь не плачем по листве
Или снеге, что растаял.

Словно кровь сюда стекла
Кто земле остался дорог,
Выргонь-Смерть их позвала
Изукрасить тот пригорок.

Стебли гнутся под ногой,
Хоть на миг, но всё ж короче,
Дышит полдень слюдяной
И кузнечиком стрекочет.

Гладит филина шаман,
Угощает земляникой,
Что так просится сама
Оборваться ярким бликом.

Бог шамана на ветвях,
На земле, и вдоль, и через,
Мудрый Велес — в муравьях,
В чём угодно мудрый Велес.

Зреет в жилистой лозе,
Звук свирели ветром чужа,
И зарубленных князей
Подорожником врачует.

Пьёт шаман из ручейка,
Кровью ягод брызжет рана.
Вроде ягода сладка,
Но горчит во рту шамана.

**БАЛЛАДА О ДВУХ КОРОЛЯХ
И ШОТЛАНДСКОЙ УДАЧЕ**

*...Дайте мне снова разбег и простор
Этого раннего дня,
Прежнюю душу и прежний задор,
Дайте мне снова меня!*

Р.- Л. Стивенсон. «Спойте мне песню о том пареньке...»

Король силен мечом и златом,
Стрелок – удачею своей.
Вагант, шагая по канату,
Сильнее тысячи смертей.

Он пел на площади торговой
Под крик заморского купца,
История была не новой,
Но не забытой до конца...

...Святой Людовик – родич ворона,
Кто Карла Смелого смелей?!.
Веди вперёд, удача, Дорварда,
И он обгонит королей.

Уходят давние традиции
В прожитый день, в прожитый год.
Простой стрелок скорее рыцаря
Женой принцессу назовёт.

Трудней всего смириться гордому,
Хвастливому – не стать честней.
Помчи стрелой, удача, Дорварда,
И он обгонит королей.

Когда отринуто высокое,
Всего сильнее пустота,
Из рук прекрасной дамы соколом
До неба горнего взлетать!

Трубою звало эхо горное, –
Чем ближе к небу, тем смелей.
Удача пригодилась Дорварду,
Он пережил двух королей...

Теперь малютки-медовары
Не варят вересковый мёд.
Перевели чернила даром
И Стивенсон, и Вальтер Скотт?

Утихли голоса вагантов,
И некому позвать на бой.
Но буквы древних фолиантов
Влекут мальчишку за собой.

* * *

Да, не привыкнуть к потерям и опозданиям,
Ведь опасно к чему-нибудь и привыкать.
Кто, не ты ли на днях заметила, что Испания –
Не та страна, куда приволакивает меня река.

Кто-то очень похожий, не я, но такой же,
Древним грекам гадают, с атлантами в Мемфисе пил.
Но я чувствую телом, одеждой и кожей,
Как съезжает, слетает, облазит
крыша с несвойственных ей стропил.

Вот когда я привыкну, а все-таки это будет –
Ни в размер, ни в секунду, навскидку,
поймалось и, надо ж, пришлось,
Расскажи, как сумеешь, Иуде и Будде;
Промолчи, как сумеешь, узнав, что навстречу – Христос.

И меня расстреляют, надеюсь, что все же прилюдно,
И меня растерзают, надеюсь, узнаю, за что.
Так и было. Так есть. И в газете читаю: так будет
С дураками, ведомыми вслед за мечтой.

* * *

Маленькие, жёлтые, осенние,
Листья налетят со всех сторон.
Слишком мало выпало рождений,
Слишком много стало похорон.

Сколько перепито, перепето,
И других не водится идей.
Шёл Господь гулять по белу свету,
Собирать к Себе святых людей.

Их у нас теперь совсем не много:
Не дожили, Господи, прости.
Тяжела тернистая дорога:
Век скользить на глинистом пути.

Запахи асфальта и бензина
Святость извели наперечёт.
Поутру идёт до магазина
Сельский неказистый мужичок...

ЗАПАХИ ВЕТРА

Они играли и пели,
Кидали комочки душ.
Им запах сарсапарели
Ветер принёс на лету.

Ещё не скрипели колеса,
Ещё не брюзжала земля,
На вечную эту осыпь
Никто не сходил с корабля.

Дороги ещё не торят
И в кузницах — не куют.
Солёные слезы моря
Не просят душу твою.

От осени до апреля
Вот-вот и займутся всерьёз
Листьями — псы метели,
Душами — лисы звёзд.

Будут искать спасения
В музыке и в вине.
В осени по-весеннему —
Тоже спасения нет...

Они играли и пели,
Кидали комочки душ —
В запах сарсапарели,
В омут зелёных луж...

ОСТРОВ. ДЕТСТВО

Молоком и полем пахло лето.
Вечер шёл над крышами домов,
Жёлтый и немножко фиолетов, —
Столько было в городе цветов.

Детство стало розовыми снами, —
Было или не было оно...
Мы ловили рыбу с пацанами,
Удирали вечером в кино.

Теплая, ночная, дождевая,
Побежала по земле вода.
Быстро мы о детстве забываем,
Уходя в большие города...

Мушкетёр дерётся с казаками,
Робин Гуд гуляет по дворам.
И летят над ближними домами
Два моста к любимым берегам.

* * *

Отче наш!
Во гневе и любви
Я молюсь Тебе во искупленье,
Чтобы все свершения мои
Не служили скудости и лени.

Славят: книголюб и книгочей.
Я молюсь и в праздники, и в будни,
Чтоб гордыне суетной моей
Не отдать и крохотной секунды.

Изречение сирое моё
Так ли уж кому-нибудь и нужно?
Слова заострённое копье
Слишком уж опасное оружие.

И во дни короткие мои
До тех пор, пока кровь не стынет,
Дай мне, Боже, веры и любви
И избавь от гнева и гордыни...

ПСКОВУ

Бродить по городу не надоест вовек,
Я счастлив, что живу в прекрасном граде.
Я коротаю в нём недлинный век,
На эти башни удивлённо глядя.

Не примелькались башни. Никогда
Не отверну восторженного взгляда.
Всё смоем в Лету вешняя вода,
Лишь чувств моих туда смывать не надо.

Я весь как есть средь шумных площадей,
Пусть о красотах многие талдычат.
Я так люблю живущих в нём людей,
Которых скобарями всюду кличут.

И я скобарь, и все вокруг меня.
Друзьям своим приветливо киваю.
Пусть время мчится, крыльями звеня,
Я на друзей и город уповаю.

Живи, мой град, – всё будет хорошо,
Пусть к озеру несутся твои реки.
К тебе с годами прикипел душой,
А это значит – прикипел навеки.

* * *

Темные лики славянских икон.
Церкви старинные в русских селеньях.
Снова я к вам прихожу на поклон,
О, продлевайтесь, святые мгновенья.

Собрано все по крупице, помалу,
И засветтели на храмах кресты.
Значит, немного отраднее стало,
Значит, на пользу молитвы, посты.

Только вот душам людским утешенье
Скоро ли будет, незнамо ничуть.
Или опять будет долгим хождение,
Прежде чем выйти удастся на Путь.

Нету ответа. Молюсь о спасении
Всех, кто себя не нашёл во Христе,
Кто отрицает своё воскресение
После того, как страдал на кресте.

А на холме за разрушенным складом
Храмик вознёсся тесовый, резной.
В сердце как будто пролилась отрада,
В душу как будто пахнуло весной...

* * *

А он успел перед войной жениться,
И в сорок первом Люба понесла.
Хоть рожь в полях взметнулась, словно птица,
Мужик на фронт – такие вот дела.

И тем же годом страшным, сорок первым
Родилась дочь. Пополнила семью.
Вот говорят, что бабы были стервы,
Она ж любила доченьку свою.

И ждала мужа. Он не шёл, все сроки
Давно уж вышли – кончились бои.
Отговорили вещие сороки,
Отголосили в рощах соловьи.

Настала осень, облетели вишни,
И стало пусто в поле и в саду.
Она прекрасно знала – сроки вышли,
Да издалёка слышалось: иду...

Он не пришёл ни через год, ни после.
Он никогда с войны той не пришёл.
А жизнь брала своё: вдали и возле.
И хлебушка наелся новосёл.

Не вышла замуж бедная Любаша.
Завербовалась в дальний край она
С дочуркой вместе – горестная чаша
Была, похоже, выпита до дна...

* * *

Мужики не вернулись с войны,
А таких мужиков полстраны.

И в деревне теперь, что ни год,
То разор, а то недород.

Вдовы плачут у горьких полей –
Полонил все пространство пырей.

И не вырвать его от корней –
Прёт, зараза, быстрее и сильнее.

Плачут вдовы, судьбину клянут,
Но на поле с мотыгой идут.

И опять нескончаемый бой
С сорняками и с горькой судьбой.

Подрастайте скорей, сыновья,
Чтоб спокойней вздохнула земля.

Подрастайте скорее, сыны,
Ведь отцы не вернулись с войны.

* * *

Вот берег, вот река – покос.
Созрели нынче травы рано.
Но это для меня не странно –
На этих берегах я рос.

Гнетёт печаль: все косари
В Уситве Старой на погосте,
А остальные – мы лишь гости,
И нет нам дела до зари.

А ведь на зорьке, по росе,
Бывает легче косовица.
В страду крестьянину не спится –
В такое время косят все.

То время доброе прошло.
Как скоро снова возродится –
Неведомо. Взлетает птица,
Роняя вещее перо.

Трава стоит – раскаты гроз,
Плач чибиса, жужжанье мухи,
На всю деревню – три старухи...
Вот берег, вот река – покос.

ДОБРОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Средь вселенской большой суеты
Ты улыбки своей не прячешь.
Как твои вдохновляют черты,
Как ты многое в жизни значишь!

Ты пронзён воплощеньем мечты,
Оттого и к горестям зрячий.
Только там, где проходишь ты,
Получается жизнь иначе.

Всем помочь – это значит хлопот
И забот, как всегда, полон рот,
Но светлеют усталые лица.

Представляешь – ведь любят тебя,
Ты для них и мечта, и судьба,
И зовущая синяя птица.

РУССКАЯ ГОЛГОФА

На Чёрной речке снег примят
И дым от выстрелов клубится...
Как на Голгофе... Вновь распят...
И смерть у врат... Уже стучится...

Поэт в России что пророк!
И, как святой, за всех страдает.
Его устами молвит Бог.
Он все, что с ним случится, знает.

...Теперь здесь царствует гранит.
Голгофа русского поэта
Его бессмертный лик хранит
В лучах встающего рассвета.

Февральская метёт пурга,
Но год грядущий дарит снова
Бессмертное на все века
Живое Пушкинское Слово.

***

Я весь до донышка пскович,
В моей душе скобарь живёт.
Он город свой от бед спасёт,
Когда услышит ратный клич.

О мать Великая река!
В твоей купели я крещён
И, может, буду тем опасен
На все грядущие века.

Мирожских фресок чистоту
Ни с чем на свете не сравнить.
И лишь затем здесь стоит жить,
Чтоб видеть эту красоту.

Под колокольный перезвон
Встаёт рассвет из-за Кремля.
И, может быть, здесь новый трон
Воздвигнет русская земля.

ПСКОВ

О вольный город на Пскове!
Ты русским витязем зовёшься.
Следы боев хранишь в траве,
Заставой грозной остаёшься.

Княгини Ольги отчий дом!
Она, как вешняя зарница,
В твоей судьбе своим перстом
Открыла первую страницу.

Седого неба три луча
Ей место Храма указали –
И Храм, как Ольгина свеча,
Небесных сфер раздвинул дали.

Того, кто шёл на Русь с мечом,
Встречал наш город грозной сечей.
Разил довмонтовым мечом –
Грядущих подвигов предтечей.

Их было много, тех боев:
Как волны, шли на город беды.
Но Псков десницами сынов
Ковал великие победы.

Тех лет кольчуги и мечи,
Твои израненные стены:
Они – истории ключи,
Тобой нам отданные гены.

Горды наследием таким!
Храним обычаи и нравы!
И пусть звучит в веках как гимн
Твой статус – Город ратной славы!

КНЯЗЬ ТРУВОР

С этим краем есть особый уговор:
Над Изборском от костров окрест дымок –
По заставам разъезжает князь Трувор,
Он бесстрашен и немного одинок.

Историческая справка ни к чему –
Нужно чувствовать дыхание полей:
Как волнуются хлеба и почему
На обменный курс валют – полно рублей.

Порубежья, приграничья крепкий щит
Оградит и не оставит свой посад,
Свой народ, свои словенские ключи
За чертою, и не только автострад!..

Пусть не мне, коль не Труворова жена,
Рассуждать с гусиным пёрышком в руке,
Как решающая битва тяжела –
Там, где конь и меч как будто налегке!

Только князь исконный всё ж не одинок,
Ибо крест по нём хранит его земля –
Над Изборском от печей идёт дымок:
Тем же курсом – до последнего рубля!

ОЗЁРА НАЧИНАЮТСЯ...

Озёра начинаются с небес.
И Промыслом – они уже под Псковом.
А дальше – вглубь, в дальневосточный лес:
Урал – Байкал – Амур – Перстом и Словом!

И, кажется, нет лучше ничего
Из космоса на всей большой планете.
И только грозно морщится чело
Святых озёр, когда в них ставят сети!..

Озёра начинаются с пути
Из грек в варяги и обратно – в греки.
Когда на карте мира – не найти,
Иди в поход, ищи ручьи и реки:

В бассейнах и больших, и малых рек
Озёр – не счесть!.. А ты найди такое,
Какое бы не тронул человек
Своей самонадеянной рукою...

Озёра начинаются с горсти,
Которой окроплён во славу Богу.
И только так к ним можно обрести
Свою неповторимую дорогу.

А дальше – Псковским озером, Чудским,
Байкальским... да любым другим – на выбор...
Средь суеты и гомона людских
Озёра начинаются... Найти бы!

P.S.

Простёрла стихия десницу амурских вод,
Но списывать на стихию сезон дождей –
Как если бы к цифрам бухгалтера счетовод
Придрался со всей бухгалтерией со своей!..

Природа природой, и реки – текли всегда...
Возможно бы, своевременный сброс воды
Запасливых ГЭС, и целые города
Спаслись бы от поглощающей их беды!

А рекам – куда им деться, когда – без дна?!
А людям – куда податься, когда – с лихвой?!
Но только крыша от дома одна видна
Да небо над непокрытою головой!..

АМУДАРЬЯ

Так реки уходят в глубь своих же земель –
В широкие рукава подземных долин.
А что там дальше и как забрели на мель
Былого Арала торговые корабли,

Какое им дело, ведь зову никто не внял,
Но вялил, как рыбу, надежду в солончаках,
Что стоит спить пустыне один Арал,
Как райские кущи возникнут в Газачаках.

Пустыня и есть пустыня – какой в ней прок?!
Она заберёт последнее – до гроша,
Хоть вынь из кармана всё то, что скопил, сберёг,
Отдай хоть все воды Сибири – до Иртыша...

Ничто не изменит привычный для мест уклад.
И только шатёр, уж думается, не впервой
Укроет от зноя и в холод, на первый взгляд –
Своей незамысловатой головой!

* * *

Россия любит умерших поэтов!
С живыми ей немало маеты...
А потому без лишней суеты
Поговорим давайте не об этом.

А «эти» разговоры сеют грусть,
И хочется наполнить сразу чаши...
Ну не нужны поэты. Ну и пусть.
А мы творим, и это доля наша.

Но ведь она, подобная вину,
Пьянит и очищает наши души!
Наш малый дар – он в верности перу
И в том, что мы одной России служим.

* * *

Перевязан Псков мостами.
Над рекою пролетая,
Чайки пробуют волну.
Утро радостно встречая,
Зелень гнётся под ветрами,
Не скрывая наготу.

Храмы в звонах вострепенулись,
Башни к небу потянулись,
Всех зовёт святой алтарь.
Подгибаются колени –
За божницей стынут тени
Как вчера, сегодня, встарь...

То ли в город свой вхожу я,
То ли он в меня вступает, –
Здесь неважно, кто за кем:
В измерениях кочуя,
Нам Надежда обещает
Время новых перемен.

У ТЕАТРА

Старый город накрыт
Пеленой серых будней,
Утопает в дождях.
Словно в поисках бед,
Вечно пьяный, кричит
На прокуренных кухнях.
И жалеет себя,
Но не знает ответ,
Почему он такой:
Как бездомная кошка,
Жмётся к тёплым дверям
Незнакомых квартир
И стоит за углом
Побирушкой – с ладошкой,
Доверяя светить,
Как сквозь сон, фонарям.

Так мой город живёт:
Отражением в лужах,
Проводив корабли,
Проводив поезда.
Много жизней прожив,
Он в случайных прохожих
Видит времени холод
И бремя креста.
Обнимает весь мир
Без надежд на взаимность.
Палый лист ворошит,
Извлекая стихи.
И дождём моросит,
Торопя нас проститься,
Откровеньям души
Возлагая венки.

В СЕМЬ УТРА О ЖеКаХа...

Разлеглась зима в исподнем!
Шутка ль, за ночь «расхристалась»
Планировку подворотен,
Переулков и кварталов,
Путь-дорожки изменила...
Но, устало улыбаясь,

Наконец уgomонилась,
В снах под утро забываясь.

Не будить стараясь зиму,
На церквях в полтона тише:
Мол, идите, люди, мимо,
Не споткнитесь о «дурищу»!
Тут и так ни зги не видно,
Но ведь день не отменяли!
Псков не Китеж благочинный,
Осторожнее, миряне!

РУСЬ МОЯ!

(По дороге в скит)

Русь моя! Пустые пашни.
Одинокaя ветла.
Обвалившиеся башни.
Пыль крестьянского двора.
Скрип оборванной калитки.
Сруб, поросший мягким мхом.
Позабутые пожитки
За оставленным окном.
Одичалые собаки
Бродят вдоль глухих дорог,
Где оборванные знаки
Не приводят на порог.
Покосившиеся храмы,
Облетевшие кресты –
Очевидцы дикой драмы,
В вечность павшие «мосты».
Хлопнет в ветер дверь в притворе,
Солнца луч скользнёт в окно,
«Лики», брошенные в горе,
Пообсыпались давно.
В бедах чтимые святые
С грустью смотрят вдаль веков, –
Видно, времена иные
Наступили для богов.

ИСКРА БОЖЬЯ

*А я без неё умираю...
Анна Ахматова*

Искра Божья загорается и гаснет.
Жизни часть. Судьбы и естества.
Верь, что ты к великому причастен
Так же, как опавшая листва.

Вечное, известно, неизменно.
Возрождение — удел телес.
Человеку подрастает смена,
И её оценки только вес

Подлинную ценность всех деяний,
Ликов и надуманных одежд
Обозначит в Ине или Яне.
Смерти нет. Есть мир закрытых вежд.

Лабиринт и спрятанная тайна.
Длинная спасительная нить.
Там, где мы посеяны случайно,
Хоть бы миг, но с искрой Божьей жить.

СКАЗАТЬ

Сказать, что это я придумал, —
Неправдой высветится в тьме.
Ведь таково бывшее в сумме
И подлинное в кутерьме.

Имея право на ошибку
И не приемля только ложь,
Идеи запускаю в сшибку.
Попробуй только, не тревожь

Покой загнившего болота,
И жизнь уменьшится на треть.
Мы, выходцы из Камелота,
Имеем право умереть.

Но никуда не денешь песни.
Твои любимые слова.
И значит, мы опять, хоть тресни,
Должны качать свои права.

СНЕГА БЫЛЫХ ВРЕМЁН

Снега былых времён. Рождение из пены.
День завтрашний, придя, измены не простит
Тому, что из начал рождалось ради смены
И превращалось в пыль. Бессмертно умираю.
Фанатик и луддит, пигмей и троглодит,
Прекрасному служа, нам оставляли мало
Душевного огня. Сгоревшее дотла
Былое не пропало. В сердца теперь оно
Стучится и зовёт. И, как в глаза зола,
Вас довести до слёз и отвратить способно,
Но и согреть, поднять, как старое вино.

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

Как этот город не любить?
Как солнце в небе Пскова.
Как то, что подымает ввысь.
Как нерушимость слова.

Из городов российских он,
Наверно, самый русский.
Надёжный рубежа заслон,
Куда дорогой узкой
Доедешь от Великих Лук.
Быть может, Руссы Старой.
И увезёшь с собою звук,
Сердцами и гитарой
Рождённый. Пламенем свечи
и птицей с хлебом в клюве.
Там, где Словенские ключи.
Где похоронен Трувор.

И все минувшие века
Почувствуешь свободно.

Течёт Великая река.
Недалеко, но водно.

* * *

Видишь, Родина, как в мирном небе играют зарницы?
Слышишь, Родина, как величальная песня звучит?
На заре псковичи в храм идут за тебя помолиться.
И горят купола язычками свечи.

Приезжайте на миг – белолицым церквям помолиться,
Чтоб рассвет не погас – посетите святыя места.
Приезжайте на день, чтобы в город на веки влюбиться.
Тут молитву Святым шепчут сами уста.

По заслугам и честь: город орденом Славы отмечен.
И десант, и спецназ множат подвиги славных отцов.
Здесь ведут под венец самых верных
и преданных женщин,
И венчает союз перезвон бубенцов.

Спи спокойно, страна, если древнему Пскову не спится.
У Отчизны родной есть надёжный и сильный оплот.
Над Великой рекой упиваются синью синицы.
По заветам отцов славный город живёт.

МОЙ ГОРОД

Привет, дружище, старый город Псков!
С тобою узы сохраняю свято.
Встречай меня дождём из васильков,
Заворожи малиновым закатом.

Я с нетерпением считала дни,
Чтоб вновь увидеть храмы над рекою.
Меня приветил месяц-проводник,
Туман окутал сонной пеленою.

А облако в прозрачной сини дня
Вдруг зацепилось за кресты собора
И с высоты приветствует меня
Качаньем тихим белого убора.

И дышат стены древнего кремля
Проросшим мхом уж не одно столетье.
Тебе поют, о псковская земля,
Колокола, встречая новолетье.

Привет, мой город, мы дружны навек.
Других краёв я сроду не искала.
Ты дорог мне, как дорог человек.
Тобой живу – ты мой, моё начало.

нищий

Он стоял на холодном ветру
И ценил проходящих глазами.
Не давая согреться нутру,
Трепыхались лохмотья крылами.

Кто его откровенно жалел
И протягивал тихо монету,
Кто бросал: «Хоть бы ты околел!
Развелось вас по белому свету...»

Он держался – живой, неживой, –
Подаянье людей принимая.
Виновато качал головой,
И прощенья прося, и прощая.

* * *

В голом поле деревушка,
Позабывтое сельцо.
Одинокaя старушка
Выползает на крыльцо.

Потускневшими глазами
Вдаль глядит из-под руки.
Не о нас ли это с вами
Молят Бога старики?

Перестройка, заваруха,
Всяких дел невпроворот.
Почтальона мать-старуха
Ожидает у ворот...

Окон чёрные глазницы
Оплела паучья вязь.
Горько скрипнут половицы:
Не смогла, не дождалась.

***

Ставни накрест заколочены,
Паутиной оторочены.
В заполье изба хоронится.
Где ж хозяйка, богомолица?

Неприметная дорожина
В травах прячется нехоженных.
У церквушки за околицей
Лишь осина Богу молится...

* * *

У пустых дворов замирает вздох.
Из пустых глазниц слепота немая.
Деревенский быт здесь давно забыт.
Стылую избу ветер облетает.

Не скрипит порог, не рокошет дверь.
Всюду тишина, всюду запустенье.
Горькая нужда, мыслей череда.
На лице тоска, на душе – смятенье.

Всем смертям назло полон жизни сад.
Только для кого? Никого не встретить...
Словно фонари, яблоки висят,
А когда-то им радовались дети...

У семи ветров отберу ключи,
Чтоб остановить горькую разруху.
Теплится звезда угольком в ночи.
Небо, протяни возрожденья руку!..

ЛЕГЕНДА

Где волны бьются о скулы скал, где ветер сбивает с ног,
Стоит, отстроенный на века, замок мой – Ровенрок.

Стенами древними окружён, и виден издалека
Высокий и грозный его донжон, пронзающий облака.

А там, где птицы ломают строй, у стрельчатого окна,
Ждёт, когда я вернусь домой, Ровена – моя жена.

Пять лет я в ножны не прятал меч и не сходил с коня.
И всё, что могло меня уберечь, – мой щит и моя броня.

Но время вышло, окончен путь, я всех истребил врагов,
И горы добычи за мной несут сотни моих рабов.

Ворота лязгнули за спиной, и трубный ударил рёв.
Встречай, я снова пришёл домой, Ровена, моя любовь.

Она стояла, потупив взор и голову опустив.
Вокруг рабы заполняли двор под грозный цепной мотив.

Потом был пир, и огонь пылал, и багровел закат.
Рабами и золотом оделял я верных своих солдат.

А после в факельной темноте я долго лежал без сна:
Не подпустила меня к себе Ровена – моя жена.

«Не будет счастья, любимый мой, нам от чужой беды.
Верни свободу, пускай домой уходят твои рабы».

С мечом в руке перед ней стою, и ярость туманит взгляд:
«Они добыча моя в бою, они не уйдут назад».

«Любимый, в тебе поселилось зло,
любимый, ты стал другим.
И страшен твой леденящий взор, и ярость в твоей груди.

Сбегают молнии со щита, и меч повергает в прах,
И тех не сможешь ты сосчитать,
чья кровь на твоих руках».

Белее снега её плечо, чернее агата бровь.
Тому, кто привык отбирать мечом, уже не нужна любовь.

Покровы сорваны. Крик затих. О чём-то прибой поёт.
По праву сильного раб избит, а Зверь получил своё.

Померкли звёзды, сбежав во мглу,
и скрылась в ночи луна.
Ровена бросилась на скалу из стрельчатого окна.

Бежали мимо за мигом миг, а годы летели прочь.
Ни острый меч мой, ни верный щит
уже не могли помочь.

Когда на скалы упал рассвет, я вычерпал жизнь до дна
И сделал шаг за любимой вслед из стрельчатого окна.

Где волны бьются о скулы скал, где ветер сбивает с ног,
Стоит, покинутый на века, замок мой – Ровенрок.

Стенами древними окружён, и виден издалека
Высокий и грозный его донжон, пронзающий облака.

ОТРЕЧЕНИЕ (ДИПТИХ)

1. Отречение

В господний храм вошёл,
как в отчий дом,
Отбросив боль у ветхого порога.
Пусть впереди останется немного –
Пустая жизнь у княжеских хором.

Тиха молитва для чужих ушей,
Но умолкают дней минувших раны –
И кости перебитые, и шрамы
От вражьих стрел и дружеских ножей.

Пресветлый храм, да не отринет он
Влекущего пристанью последней...
Но тот, кому молились на обедне,
Услышит только колокольный звон.

Царю лачуга – нищему дворец,
И крест натальный бьётся под рубахой,
И сделан выбор меж венцом и плахой –
Отвергнуты и плаха, и венец.

В господний храм вошёл,
                                как в отчий дом,
Оставив боль у ветхого порога.
Пусть впереди, воистину, немного,
Лишь жизнь прошла
                                с тех пор,
                                как был рождён.

2. Смута

Вы, дух вознёсшие к свободе,
Вы, плоть низвергшие во смерть,
Вы на изрубленной колоде
Писали: «есмы земная твердь».

И сталь взлетала ближе к Богу
И падала из бездны вниз...
Но новым идолам дорогу
Уже прокладывала жизнь.
И совершилось столкновенье
Умов, и судеб, и корон,
И пали в нем в одно мгновенье
И новый царь, и старый трон.

Тела схоронены без тризны,
И вновь стекается народ
Туда, где псы ночами грызлись,
За то,
                    что пролил
                                    эшафот.

ГЕТТО

Город – злое перекрестье, необещанный пророк,
Нас бросает древней мстью на распятия дорог.

И, как выюги откровенье, из заснеженных аллей
Рвётся голос в иступленье: ночь пришла – убей, убей.

Что такое? Что такое? Если сможешь – согреши.
Ночь черна, как жизнь изгоя, и длинна, как жизнь души.

Мёрзлым утром стынут губы, молкнут души, сны болят.
Тело жалкое иссушит, трубы жадные съедят.

Лен и мыло, крюк, и даже... ветер крутит канитель.
Ждёт в земле сырая сажень, неоткрытая постель.

Слёзы падают на камень, мысли зыбки, как песок.
Мы с воздетыми руками от судьбы на волосок.

АНТИБИБЛИЯ (Из цикла Слово о Книге)

В наркомовских промозглых лагерях,
Где псы из злобы, а земля из стали,
Где не страницы торы начертали,
Где Моисей не разбивал скрижали
И Ерихон не рушился во прах,

В порочный путь промёрзшею тропой,
Против своим мучителям метели,
Забыв пиры и пышные постели,
Брели останки тех, что уцелели,
Чтоб тенью стать до встречи роковой.

Но пали палачи и в свой черёд,
Сменив на дёрн московские прописки,
Неспешно уходили по-английски
На вечный срок без права переписки,
Спасая тех, кто после них придёт.

И эхо эха, замыкая круг,
Услышало – люби и будь любимым,
Ответило – гони и будь гонимым,
Добавило – суди и будь судимым...
И злою птицей вырвалось из рук.

РУССКИЙ МИР

Русский мир похож на древний храм.
С алтарём в честь матушки Земли.
Солнце-жеребёнок по утрам
Щиплет на курганах ковыли,

Меж старинных башенок-свечей
Стены древней крепости – как воск.
Под трезвон двенадцати ключей
Нас встречает радостно Изборск.

Леса позолочены шатры.
Ты кружися, Коло, без конца!
Пусть горят осенние костры,
Пусть поют горячие сердца!

Стынет от дыхания зимы
В жилах кровь, но стоит ли тужить?
Коли пережили время тьмы,
Как же нам зимы не пережить?

Вам, сердца, гореть, да не сгорать!
Даром ли всю жизнь для вас пою?
Держит на ладони Божья мать
Землю вдохновенную мою...

ОЛЬГА

Неторопливо течение Великой реки –
Птица заденет крылом, пролетая, и только...
В эти ли волны кольцо с белоснежной руки
Бросила, выйдя на берег, своенравная Ольга?

Высь глубока, облака – как сверкающий снег,
Небо мятежно и так же пронзительно сине,
Словно те очи, в которых увидел Олег
Некогда рок не девицы – Великой Княгини.

Кажется, вот она: плечи в собольих мехах,
Глянула грозно, и птицы кричать перестали.
В этих очах отрешённых не нежность, не страх –
Вместо лазури разящая холодность стали.

Волны Великой врезаются в каменный брег,
Давних свершений картины проносит течение...
Кто ты, прекрасная? Древней Руси оберег,
Мать Святослава... Иль первая жрица забвенья?

* * *

Вернулись к ночи аисты на крыши.
А месяц разгорался всё сильнее,
И с каждым шагом ласковой и тише
Шли сумерки по золоту полей.

Дремал в меже пшеничный спелый колос,
К земле клонясь тяжёлой головой;
И пробуя глубокий, звучный голос,
Пел колокол над тихою Псковой.

Лишь ветры будут в тёмной дымке ночи
Играть беспечно с диким ковылём,
Покуда звёзд всевидящие очи
Наутро не погаснут над кремлём.

А на рассвете солнечные жницы
Пройдут поля под шелест острых кос,
Наполнив рек хрустальные криницы
Водою животворных летних рос.

* * *

А душа широка, как земля,
И бескрайня, как чистое небо.
Я иду босиком по полям,
Как по капищу солнца и хлеба,

И полей этих гордая ширь
Никогда не устанет мне сниться.
Сколько вынес ты, Псков-богатырь,
Защищая родные границы!

Здесь не прах вековой и не кровь –
Мать Сырая Земля под ногами,
Где за счастье, за лад, за любовь
Деды насмерть сражались с врагами.

Ветер древности сердце пьянит,
Дышит песней Словенское поле –
Каждый камень здесь память хранит,
Шепчет сказ о победе и воле.

По траве, по цветочным коврам
С затаённою ласковой грустью
Я иду в древний, сказочный храм,
В дивный мир, называемый Русью.

ИЗБОРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Как крепости прекрасны и стары
И в то же время бесконечно юны!
Хранители опять творят миры,
Растят сады и зажигают луны.

Иду по грани скрёщенных времён
Под песни волн и бурные раскаты.
Полотнами потерянных знамён
По небу развиваются закаты...

О, здесь под каждой новою луной
Теплеет мох от самой лёгкой ласки,
И камень оживает предо мной,
И стены мне рассказывают сказки.

И я неотвратимо чую тех,
Кто надо мной склоняется незримо,
И вот уже струится лёгкий смех,
И чей-то зов влечёт неодолимо...

И даже звёзд привычных ярче блеск,
И шёпот волн иного полон смысла.
Мы вместе отправляемся в Словенск,
Везём поклон седому Гостомыслу.

* * *

Древний город над Великою рекой
Мирно дремлет – далеко ушла гроза.
Охраняет этот благостный покой
Небо – светлое, как Ольгины глаза.

Русским духом всем мы живы испокон,
Дух и вера – две подмоги, два крыла.
Александр смотрит ласково с икон,
А над Троицей, как шлемы, купола.

Здесь в садах, за тёмным кружевном оград,
Церкви Божии скрываются в тиши.
Древность русская твоя – заветный клад,
Что храним на самом донышке души.

Сколько войн на протяжении веков
Пережил ты и пощады не просил!
Это рок твой, Господин великий Псков, –
Быть оплотом и защитой Руси.

ОДА ПСКОВУ

Сколько лет нас питала вода из твоих родников,
Храбрый воин, века охранявший Руси пограничье!
Ныне кланяюсь земно тебе, о прославленный Псков,
И героев безвестных твоих воспеваю величье.

Город славный, ты миром дышал от войны до войны –
Руки дедовы помнят всё больше мечи, не орала.
Святость русского мира, преданья седой старины
Рать твоя от коварных врагов столько раз защищала.

Над полями в багряных углях догоревшей зари
До сих пор предстают перед взором чудные виденья:
Как бесстрашно на битву с фашистами шли скобари,
Как неистовы воины были на поле сраженья.

Им ли смерти бояться, коль ты за спиною стоял?!
Страх не ведом мужам, что с рождения вскормлены
Псковом.
Александр вещим словом о правде их благословлял,
Богородица чистым своим укрывала покровом.

Вольных рек синева и полей необъятная ширь –
В поволоке тумана земля, словно в ризе венчальной...
Будь же славен в веках, город воинов, Псков-богатырь,
Что всегда был щитом-оберегом Руси Изначальной.

* * *

Будь славна, Псковская земля!
Как главы повести старинной,
Лежат пути через поля
В великий град Руси былинной.

Куда не кинь пытливый взор –
С земли воспетой Святогорской,
От куполов святых Печор
До древней крепости Изборской,

В воде двенадцати ключей,
В огромном небе с облаками
Струится память, как ручей,
Неиссякаемый веками.

Везде – наш вольный русских дух,
В боях его стяжали деды.
Но мы, увы, не славим вслух
Отцов минувшие победы.

Забыли. Всё пошло не так,
И оттого нам тяжело ныне:
Беда Отчизны – верный знак
Вернуть отцовские святыни.

Разрушив цепи злобной тьмы,
Душой за Родину радея,
Опять на сечу мчимся мы
Разить тиранов и злодеев.

Не бойся всех земных дорог –
Над смертью можно лишь смеяться.
Ты помнишь, русич? С нами Бог!
Так нам ли чёрта убояться?!

* * *

Копья зарыты, победы забыты,
потушены жерла костров.
Кончены войны, гиены спокойно
взирают на звёздный покров.
Но если не хочешь пропасть этой ночью
в оставленной богом глуши –
поспеш!

В сердце чащобы извилисты тропы,
куда повернуть – невдомёк.
Толпы нахрапом правят на запад,
кто-то бредёт на восток.
И если в итоге отыщешь дорогу,
где кроме тебя ни души, –
поспеш!

Время – со всеми, но редкий умеет
читать по небесным часам.
Истину зрячий находит иначе,
чем слушающий голоса.
Звуки – лишь клочья, и не напророчишь,
чей голос сорвётся в тиши, –
поспеш!

Долго ли, скоро, мечом ли, измором
судьба всё к рукам приберёт.
И будет неважно, насколько отважно
на чёрный шагнёшь эшафот.
Пусть капитала всегда не хватало,
хоть душу свою отпиши, –
поспеш!

Время, как пламя, блаженных карает,
стяжающим – греет бульон.
Но каждое дело записано мелом,
а каждое слово – углём.
Как бы убого ни веровал в бога
и сколько бы ни нагрешил, –
поспеш!

Копья забыты, победы зарыты,
гиены взирают с вершин.
Сотни империй по-новому верят,
но ты не спеши, не спеши...

* * *

Не падёт и полмира, как я научусь говорить.
Станет медью молчание, затхлою покроется пылью.
Из кувшина души я тогда всё ненужное вылью,
чтобы словом единым дышать. Постараюсь открыть
тот немислимый рай, что летит на соломенных крыльях
мимо слёз восковых. Там, послушную дёргая нить,
шепчет пламя молитву, которой так хочется жить.
И безвременьем пахнет, и мятой. И горькой полынью.

Не падёт и полмира, ещё не остынет зола,
как всему на погибель вернётся исчадие зла,
разгребая неверие чёрной своей кочергой.
Рёв литавр, кентавров сорвётся в оглохшую тишь...

И окончится всё. И нахлынет забвение. Лишь
скрип соломенных крыльев нарушит вселенский покой.

* * *

Март подкрался. Кто-то в дураках.
Отчего любовь нетерпелива?
Одинокий берег ждёт прилива.

До сих пор играют на щеках
отблески серебряной посуды,
раненого века и простуды.

Вечность в недоверчивых руках
греется и мячиком мятежным
скачет от безверия к надежде.

Пережив осаду и погром,
я и сам покрылся серебром
под дождём великого начала.
Друг делился злобой, враг – добром.
Жизни было много, счастья – мало.

Но об этом стоит ли так долго?
С чувством неисполненного долга
можно жить и помнить о долгах
только по субботам, на вечерне.
Светлый мальчик, на твоих ногах
поцелуй царствующей черни.

Миг помедли и уйди во тьму
ни к чему не приводящей лени,
и тогда фарфоровый твой гений
будет недоступен никому.

ЗОЛОТАРЬ

Чем дальше я живу, тем горячей
глазницам под обуглившейся плёнкой;
всё глубже проникая в суть вещей,
в себе всё больше чувствую подонка.
Смотрю и вижу в сумраке небес
Христа, который вовсе не воскрес.

Чем дальше в лес, тем меньше палачей,
но больше перспектив у вещи тонкой.
Он опоздал на тысячу ночей,
и души не заметили ягнёнка.
Я верую. Но хватит ли огня
для тех, кому нет дела до меня?

Пускай иссяк серебряный ручей,
с которым в унисон дышалось звонко,
в котором очи праздничных свечей
не угасали дымчатой позёмкой, –
ещё надеюсь. Но земной орех
осмыслит ли безмолвие прорех?

И вечность спросит: «Золотце, ты чей?»
Откроется бездонная воронка,
когда увижу угольных грачей
наивными глазёнками ребёнка,
когда сольётся пористый металл
с безвременьем сусальных покрывал.

Что делать с этим золотом? Кащей
во мне сидит, и рвётся перепонка.
Протянем ли без каши да без щей,
когда уйдёт на заработки жёнка?
Чтоб лучше разглядеть, зажги фонарь, –
я от золы глубинной золотарь.

И в чане у меня парад свечей
и Ноевы глаза, что горячей
любой из перечисленных вещей,
острее плоть пронзающих мечей.
И в чане у меня тепло печей
и яблочный пирог, не знаю чей,
к воротам рая парочка ключей
и сонмище безликих палачей.

И в чане у меня бежит ручей
сквозь губы большеротых хохмачей,
бежит, впадая в озеро ночей,
бежит по крыльям угольных грачей...

Чем дальше я живу, тем горячей...

СТАРАЯ ПЛАСТИНКА

Когда из непроглядной пустоты
возник ещё неясный образ звука,
его мы не расслышали. Так вьюга
усердно сыпала с высоты
наш ветхий домик из бездонной крынки.
Вертелась тихо старая пластинка.

В живом переплетении стихий
уже дрожала ветреная нитка
мелодии. Она была избытком
среди несуществующей трухи.
И время низвергалось со скалы
кристальным средоточием иглы.

Игла дышала музыкой, и та
была подобна мудрости нетленной.
Мы сами стали нотами вселенной,
звучащими по воле божества.
И в песне без конца и без начала
ни тьмы, ни света не существовало.

И, словно первозданная река,
сознание текло легко и чисто,
и появлялась чайкой серебристой
на тихой глади первая строка.
И таял дом, объятый вьюжной дымкой,
пока вертелась старая пластинка...

* * *

Затухали в ночи поездов отголоски,
и огонь танцевал на каминных подмостках.
А напротив огня, как ущербное веко,
в полутьме проступало лицо человека.

Кто подскажет, какая безумная тайна
их полночной порой породнила случайно?..
Только время еловой смолой закипало,
и на смену концу приходило начало...

И вначале огонь стал течением речи,
принимая слова и черты человечьи,
человек же чертил потаённые знаки,
что священным огнём полыхали во мраке.

В беспрестанном движении формы и цвета
умирала и снова рождалась планета,
высыхали и вновь полноводили реки –
негасимый огонь бушевал в человеке...

Стали сонные тени бледны и округлы,
на каминных подмостках рассыпались угли,
но напротив камина, как лунное веко,
беззаботно светилось лицо человека.

Было трудно поверить, почувствовать трудно,
что вселенная где-то кружила подспудно,
что такого ещё не случалось вовеки:
жил в огне человек, жил огонь в человеке.

* * *

Как пуля вылетает из ствола,
негаданно порой и бестолково,
так из гортани в переплёт стола
вонзается непрошеное слово.
Они – одно, их породнила мгла
назло предначертаниям бредовым
и, словно швы, накладывать готова
на рвущиеся души и тела,
на этот рассыпающийся мир,
на эти лбы, истёртые до дыр,
на треснувшие линии лица,
на ситцевые мятые сердца...
Но видишь, как торопится игла
(на полотнище места нет живого),
как буднично с небесного стекла
стекает золочёная подкова?
Как слово отделилось от ствола?..
Как пуля покатилась со стола?...

ПОКЛОН ТЕБЕ, ВЕЛИКИЙ ПСКОВ

Поклон тебе, великий Псков,
От гор степенного Урала,
От сёл и малых городов,
Которых на Руси немало!

Ни расстояния, ни время
Не воспретят тебя любить:
Здесь русское возрастало племя,
Чтобы историю творить.

Тень Рюриковичей витает
Над этой древней стороной,
И Нестора перо сплетает
Легенды с былью вековой.

Уже в названиях здешних звучны
Гром битв и скорбный стон людской.
Псков-пограничник безотлучно
Россию заслонял собой.

Должны быть люди твёрже камня,
Чтоб двадцать шесть осад сдержать.
Ни мор, ни дьявольское пламя
Не властны граждан сих сломать.

За все вторжения, за беды
Ждала расплата басурман.
Познали немцы, ляхи, шведы
Гнев тяжкий псковских партизан.

... В один, что символично, год
Батория здесь гибла лава –
И двинулся Ермак в поход,
Сибирью крепла чтоб держава.

Псков жил не войнами одними –
Вёл торг и фрески создавал,
И Судной грамотой доныне
Образчик мудрости являл.

Народоправство вечевое,
Бунтарство, склонность в ересь впасть –
Так совпадение ль простое,
Что здесь царя кончалась власть?

О Псков, в Отечества судьбе
Твои – достойнейшие главы!
Дай Бог и впредь блистать тебе
В лучах тысячелетней славы!

* * *

*Памяти воинов 1-го мехкорпуса,
павших в боях за г. Остров*

На окраине города Остров
Вспыхнул танк от удара снаряда.
Иссечённые осколками острыми,
Люк открыть не успели ребята.

Сорок первый – в крови коллизия.
И в июньской вечерней заре
Третья танковая дивизия
Погибала на псковской земле.

Прут со свастиками лавины
Через брошенный Островский УР*.
«Почему ж на исходном одни мы?» –
Не спросить ни Генштаб, ни ГлавПУР**.

Где пехота краснознамённая?
Полегла в придорожных лесах.
Авиация – в базах сожжённая.
С артиллерией тоже швах.

Но приказ: паникёрство отставить,
Город Остров у немцев отбить.
Значит, надо танки заправить,
А затем третью скорость врубить.

---

* УР – укреплённый район.

** ГлавПУР – Главное политическое управление РККА.

Ах, «бэтэшки»*, стальные звери,
Сколько вложено в вас труда!
Как танкисты в машину верят,
Что она не предаст никогда!

На ученьях БТ летает
И красиво идёт на парад.
Жаль, броня лишь от пуль спасает,
Ни один не удержит снаряд.

Остров взяли. К реке Великая
Вышли танки. Ни шагу назад!
Хоть одна бы минутка тихая!
Но уж «Юнкерсы» в небе гудят.

Миномёты ревут шестиствольные,
С неба – град зажигательных бомб.
«Не рабы мы! Мы – люди вольные!
Здесь родной защищаем дом!»

...Вместо трёх сотен танков – лишь остовы.
Здесь герои приняли бой,
На горящей окраине Острова
Всю страну заслоня собой.

---

* «Бэтэшки» – лёгкие танки БТ.

СЛОВО

Слово, простое слово,
взятое за основу,
вложенное в уста,
рвёт белизну листа
выкриком, выстрелом, стоном,
детским, неугомонным
щебетом. Но с поклоном
ляжет к вашим ногам.

Да я и сам отдам
снов, нервов, мыслей нити,
всю глубину наитий,
всплески моих сомнений,
всполохи откровений,
чувственную усладу,
горечь, любовь, досаду –
всё до последней строчки,
до запятой, до точки.

Если оно Вам надо...

Я ЕЩЁ ЖИВОЙ

И человек сказал: «Я – русский»,

И Бог заплакал вместе с ним.

Николай Зиновьев

Не надо плача, я ещё живой,
Назло кликушам, в пику лжепророкам,
Живу в краю лесов, озёр и сопок,
В краю степей с нескошенной травой.

Не надо жалости, не надо лишних слёз,
Ведь это я держал штурвал «Варяга»,
С победой я стоял у стен рейхстага,
И первым я рукой коснулся звёзд.

Я утонул в болотах и в песках,
Я строил БАМ, я мастерил ракеты,
Я исполнял в обители обеты,
Я был распят за веру на штыках.

Я здесь во всем – в берёзах, в ковыле,
В моих сынах и дочерях, во внуках,
Я выжил в них и в счастье или в муках.
Они есть я. Мы живы на Земле.

Не прав поэт. По нам не плачет Бог.
В годину смут крепчает русский норов.
Мы будем жить! И, как сказал Суворов,
Мы – русские!

Горжусь!

Какой восторг!

ВСЁ КАК БЫЛО – ТАК ЕСТЬ

Всё как было – так есть,
С юга вновь возвращаются птицы,
Чтоб продлить птичий род
И под осень назад улететь.
Мне же выпала честь
На российских просторах родиться,
Ну а коль повезёт –
Посчастливится здесь умереть.

В этой странной стране,
Где бескрайни поля и погосты,
Где звенят провода
И молчат вековые дубы,
Тёплый дождь по весне
Омывает дорожные вёрсты,
А любовь и беда
Как синонимы общей судьбы.

Мы проходим сквозь страх,
Привыкаем к ветрам и туманам,
Ищем правду в себе,
Но находим её у других.
Только часто в умах
Сочетается правда с обманом
И в бесцельной борьбе
Создаётся лишь призрачный миф.

Так живёт моя Русь,
Забывая прощать и молиться.
Нам ковыль да полынь
Пахнут слаще изнеженных роз.
И российская грусть
Здесь святою водою сочится
Сквозь небесную синь
По израненным душам берёз.

СТАРЫЙ САД

Деревенское детство босое
И крестьянский нехитрый уклад,
Запах трав, что легли под косою,
Старый, дедов, развесистый сад.

Там по осени некуда деться
От обилия яблок и слив,
Там любимое дерево детства,
Моя яблонька – белый налив...

Все прошло, словно кануло в Лету,
Унеслось – ни догнать, ни найти.
Только снова в преддверии лета
Старый сад начинает цвести.

Зацветает, потом облетает,
Но живёт мой заброшенный сад.
И трава вновь в себя принимает
Спелых яблок его аромат.

Так бывает, конечно, в России!
Сад живёт, хоть проходят года,
Для того, чтоб его не забыли,
Чтобы вновь возвращались сюда...

ЧУДНÁЯ ПТИЦА

Из наших споров и баталий
навряд ли истина родится,
но вновь летит в святые дали
поэзия – чуднáя птица.
В неё давно палят дуплетом,
картечью мнений и сомнений,
но где-то, волею поэтов,
живут Татьяна и Евгений,
белеет парус над волнами,
жираф изысканный пасётся
и скиф раскосыми глазами
глядит на северное солнце...

Блаженны русские поэты
прошедших дней и дней грядущих,
те, кто поэмой и сонетом
врачуёт раненные души...

ОТ КРЕСТА ДО КРЕСТА

Пешим по глине, по снегу ли конным –
с ветром слепым от креста до креста.
Рыжие псы по небесному склону
гонят добычу в глухие места.

Солнечный гребень скользит по изгибам
белой реки, но холодная страсть
млечно стекает по облачным гривам,
на неподвижную землю ложась.

Рыбы проснутся, в стремнине игристой
двинутся в путь, обходя валуны,
вспомнят «отныне, вовеки и присно»,
чувствуя телом начало волны.

В дебрях сознания – даль с перезвоном,
золотом льётся с небес красота.
Цвет незабудковый вписан в икону
именем, как от креста до креста.

БЕЗМОЛВИЕ

Величие, вбирающее боль
безмолвную коленопреклонённых...
Идущих не кончаются колонны
за истиной прозрачно-голубой.
Глядятся в отражение небес,
но сбитая веками шерсть овечья
плотнее. И нельзя очеловечить
ни крик в себе, ни посланную весть.

Пространство полумрака древних стен.
Сорвётся с губ растерянное «верю»,
замрут на миг полуночные звери,
и рухнет за спиною Карфаген,
и станет невесома сума,
сгорит свеча... но так же безответно
пугает зной, безумствующий летом,
и душит равнодушием зима.

Молчит потёртый камень, суховой
песчинками играет на потребу,
лишь вороны, горланя, с крыши неба
приносят хлеб, как прежде, для людей.
Идущих нескончаемый поток
мелодией молитвы переполнен.
Безмолвные золотого солнца волны,
плывущие на запад и восток.

ВРЕМЯ ПРОТАЛИН

Символ в ладонях пришедшего ангела –
сладкая дрема... чудится? слышится?
Явь, нисходящая в облачке ладана?
Тоненький стебель ветром колыхнется.

Зов колокольчика – нам испытание,
маленькой каплей чистой мелодии
нотка сорвалась... (время проталины?)
в душу трезвоном вливается,
вроде бы
больше тяжёлое небо не падает
в каменный город мыслей для stalkеров,
голубь с голубкой – новыми парами,
улицы полнятся белыми стайками.

Солнечный шарик над снежными дюнами
 путь измеряет весям непройденным.
 Зёрнышко брошено, голуби клынули.
 Время проталин?

Вроде бы... вроде бы...

МЫСЛЕННЫЙ ГРОГ

От рыжего солнца, что падает навзничь,
от стылых глазниц позабытого завтра –
дыхание ветра... В публичности казни
закончился день и кровавая жатва.
Алтарь заливается мысленным грогом
души, уходящей в миры не из книжек,
а тело, бредущее вдали за пророком,
устало до черта от проб и ошибок.

Жизнь втиснута в стены парадных подъездов,
в изгибы перил, уходящие в Лету...
Голгофа, тонувшая в криках из бездны,
потомкам без истины кажется эхом,
но дарится хлеб потерявшим надежду,
глотками вина – обнажённая правда,
сердечные ритмы под чёрной одеждой –
молитвы, несущие в серое завтра.

Мир согнут веками, привычная скорость
расправить душе не даёт больше крылья,
но падает память, как брошенный хворост,
в последний очаг, запорошённый пылью.

БЕЛЫЙ СЛОН

– Ты ещё кроха, но станешь скоро
серым собратом по силе равным. –
Он же часами смотрел на горы:
чёрные в белой пустыне раны.

– Грозным оружием будут бивни –
лезвия смерти острее в битвах. –
Он облаками бродил и ливнем
землю поил, как святой молитвой.

– Жаркие дни впереди, дружище,
солнце сковало мечи для славы. –
Он лишь молчал у дверей жилища,
где преклоняли колени травы.

– Ночь коротка в ожиданье боя,
«Око за око!» – наследство предков. –
Он улыбнулся: «С вождём не спорят,
звёзды случайно сгорают редко».

Тихо ушёл на рассвете в небо,
небо, не знавшее алых пятен,
в белое утро, белее снега,
горечь войны навсегда утратив.

ДОРОГА К ХРАМУ

Последняя шрапнель зимы
ударила в уснувший Остров,
укрыла снегом валуны,
но торит белые просторы
тропа, ведущая по льду
к заутрене – воздать молитвой
тому, кто каждую беду
отводит вновь рукой открытой.

Река Великая вот-вот
разрушить старый лёд готова,
но вера путника ведёт
туда, где душу лечит Слово.
Снегов бескрайние поля
не кажутся ему опасны,
и под ногами полынья –
всего лишь лужица в день ясный.

БЕЛОЕ

Белая деревня.
За моим окном
солнце песней древней
погружает в сон
речку благодатную
и поля за ней,
снег лохматой ватой
меж седых камней.

Белое крещение
ширится, плывёт,
с голыми коленями
девушка войдёт
в прорубь, и почудится,
словно сам Христос
яблочко на блюдечке
ей вкусить принёс.

В сердце лёд ломается.
Верю дыша,
жаром разливается
белая душа.
Небо синим платицем
падает к ногам.

Каплями покатится
счастье по щекам.

Ясным воскресением
в белом январе
я услышу пение
на родном дворе.

ОСТРОВ

Фиалковая святость облаков,
Изысканная горечь в листьях клёна,
Ленивый дождь пролить слезу готов
И замолчать от нежности влюблённо.

Палитру чувств наполнил яркий свет,
Поробрик серый отразился в луже,
Объятьем крепким держит парাপет,
Великая волною плёс утюжит.

Аккорд звенящий подвесных мостов
Тебе и мне звучит при каждой встрече,
Амвон над водной гладью – островок,
Надежду дарит силою предтечи...

Я верю, Остров небом был отмечен.

ОСТРОВСКИЕ МОСТЫ

Веками берега
соединяют
островские мосты,
текущая вода
в себя вбирает
раздолье красоты.
Густая зелень крон
в горячий полдень
прохладой влечёт,
с любимой вдвоём
глядим на волны,
на ласточек полет,
и чудится, плывёт
к дубовой роще
былинная ладья,
где княжеский шатёр
раскинут точно
к закату дня...

ЯБЛОЧНЫЙ КИСЕЛЬ

Холодная блокада облаков
сменяется дождливым караваном,
летающий лист на фоне двух мостов
падёт к Никольской церкви покаянно.

Наварит осень яблочный кисель,
нальёт в стакан под самую завязку,
и потечёт хмельной поток быстрее,
с души срывая каменную маску...

Канаты мыслей, что цепей прочней,
натянуты под стареньким каштаном,
качнёт рука небесную качель,
тревожа память сердца неустанно.

Напитанные влагой чёрных туч,
блестят глаза и выглядят моложе.
Доваренный кисель, как мёд, тягуч,
осенней грустью лето подытожит.

ЕСЛИ В НЕБЕСАХ НЕ БУДЕТ НАС

Апельсин застыл на небосклоне,
Лёд намёрз на форточку окна,
Еле виден образ на иконе,
Комната в покой погружена.

Строчки на листок ложатся гладко,
Если вдохновение пришло,
Единенью слова и порядка
Воздаёт волшебное перо.

Ангелы летят над всей Россией,
Тихо дарят праведный сюжет,
Априори трудно быть Мессией,
Только говоря лишь «Да» и «Нет».

Ярок свет во тьме и больно ранит
Новым озарением подчас,
Апельсин со временем завянет,
Если в небесах не будет нас.

ДВА КНЯЖЕСКИХ МЕЧА

В старых белокаменных палатах,
Под хрустальным светлым колпаком,
Две святыни бережно хранятся –
Два меча как саги о былом.

Меч двуручный князя Гавриила.
Перед ним склонился Грозный царь –
Светлая божественная сила
Сберегла людей своих, как встарь.

Надпись на мече, как песнь о чести,
Путевой звездой в пути была.
Избегать вражды и чёрной лести
Внуку Мономаха помогла.

Меч Довмонта – яркий луч от солнца,
Одноручный, быстрый, как стрела.
Княжеская длань его сжимала,
Мир в земле любимой берегла.

В величайшей Раковорской битве
Этот меч разил своих врагов.
Перед сечей был крестом в молитве,
Вспышкой света княжеских полков.

В старых белокаменных палатах
Для потомков с сердцем и душой
Два меча так бережно хранятся,
Две святыни обрели покой.

* * *

Эти псковские церквушки
С куполами –
Словно бабушки-толстушки
С пирогами.

Только взглянешь –
На душе теплее,
Лишь они тебя простят
И пожалеют.

Терпеливо ждут нас,
Непутёвых.
А века плывут, плывут
Над Псковом...

* * *

*Умная женщина – это всегда одиночество,
А поглупеть нам с тобой не хватает ума.
Светлана Кузнецова*

Не пытайся меня переделывать.
Я не глина. И, лоб хоть разбей,
Даже если б сама захотела я,
Галатеей не стану твоей.

Уж давно с одиночеством венчана.
Поневоле верна лишь себе.
Может быть, это принц мой невестреченный
Обернулся царём в голове.

Купидонам с волшебными луками
Бесполезно в нас стрелы метать –
И судьбу переписывать глупо нам,
Да и принципы поздно менять.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

*Бог создал русских, чтобы на их
примере показать другим народам,
как не надо жить.*

П. Я. Чаадаев

Мы – кролики. Мы – мальчики для порки.
Наш первый блин, чуть что, всегда готов.
Хоть дел у нас на грош – на рубль споров.
А наши лбы – плацдарм для синяков.

Для нас середины нет: иль лапти, иль корона.
Вот кто-то лезет вновь на броневики.
История, суровая матрона,
На наших спинах пишет черновик.

Но ярость на невежество помножив,
Мы низвергаем в грязь колокола,
Чтоб вслед за нами, не запачкав ножек,
Европа в белых туфельках прошла.

ТАКОЕ ВРЕМЯ

*Сейчас время такое –
честно жить нельзя.
Из житейских разговоров*

А время всегда – такое.
Какое-нибудь не такое.
И все ж, как дитя, родное.
Единственное, как мать.
А нам бы все, как на слякоть,
На время пенять.

Как будто бы при Нероне,
При Ироде, Наполеоне,
При Берии иль Бироне
Гораздо легче жилось.

А время – не трон для подлости
И не намордник для совести.
А время всегда такое.
Каким его делаем мы.

СОДЕРЖАНИЕ

Словенское поле – 2013	3
Виктор Яковлев	
Голоса истории. Поэтический пролог.....	4
Ларина Федотова	
Словенские ключи	8
Башня Луковка	8
Последний путь	9
Преклонение	9
Татьяна Тришкова	
Мы возвращаемся	10
«...И давиться глотками нежности...»	10
Галина Стручалина	
В Изборской крепости	11
Ростовский звон	11
Николай Японский. Дневник	12
Дмитрий Стрэн	
Юродивый Николка	13
Галина Стеценко	
Межа	15
Александровский кремль	15
Разговор с мамой	16
Вера Сергеева	
Всё от предков	17
Декабрь	17
Человеку	18
«Уходила с зорькою...».....	18
Бабы	19
Молитва во спасение	19
Марсель Салимов	
Многоязычный башкир	20
Не повторю	21
От смешного до великого	22
Владимир Савинов	
К 500-летию присоединения Пскова к Московскому государству	23
Весна в Изборске	23
Храму Александра Невского в Пскове	24
Николай Рассадин	
Словенские ключи	25
Савелию Ямщикову	25
Псково-Печерский монастырь	25
Вита Пшеничная	
Ничего задарма!	26
Напоследок	26

«Ну давай, базарный лабух...»	27
Игорь Плохов	
Город	28
Старый псковский дворик	28
«Дымится храм на наковальне неба...»	29
Лунные лиры	29
Александр Петров	
«Ваша ночь, господин Петербург...»	30
«Тысяча первый, а может быть, тысяча пятый...»	30
Светлана Парамонова	
Всё так же птицей-тройкой мчится Русь	31
Древний город Великие Луки	31
Влад Павловский	
«Человек начинает творить...»	33
Ливийские буколики	33
Река	34
Брат	35
«Не говори, что дел на век...»	36
Владимир Павлов	
У деревни Серёжки	37
Фёдор Назаров	
Призраки	38
Ловцы сквозняков	40
Колыбельная	40
Андрей Мишенцев	
«Это – счастливый день...»	41
«Ритм биения Сердца...»	41
Николай Либилов	
«Очистившись душою досконально...»	42
Джинсовое поколение	42
«Не суди обо мне всерьёз...»	43
«Я в деревне. Маятно и сыро...»	43
«Жизнь не дано предугадать...»	44
«Печь, привычная к нагреву...»	44
«Все реки, говорят, впадают в море...»	44
Наталья Лаврецова	
«Бедный домик стоит сиротливо...»	45
«Поманишь – и сердце готово...»	45
«Вот взлетело ведро. Показалось – взлетело до неба...»	46
Дуэль	46
«Послушай, повернём обратно...»	47
Александр Кузин	
Вольный стих	48
Топим печи	48
Однажды	49

Родина.....	49
Татьяна Кувшиновская	
Леший	50
Кикимора	50
Баба-Яга	51
Юлия Крылова	
«И только вороны над полем...»	52
«Квартиру заполняет пустота...»	52
Июльская интерлюдия.....	53
Елена Крикливец	
«Запылённое небо развесило тряпки...»	54
«Тополь, подпирая небосвод...»	54
«Между тучами – краёшки неба синего...»	55
«Заалееет закат, тихо звякнет ведёрко в колодце...»	55
«Здесь не «бьётся Нева о холодный гранит...»	56
«Над городом летели журавли...»	56
Андрей Краденов	
Государь	57
Свобода	58
Апрель	58
Ольга Королева	
На Псковщине.....	59
Великий Новгород	59
Монастырь у заставы.....	60
Тамара Канивец	
Жители дома 21/5 по Кузнецкому Мосту	61
Андрей Канавщиков	
Про уходящих	63
Добро.....	63
Возвращение.....	64
Земляника	64
Игорь Исаев	
Баллада о двух королях и шотландской удаче	66
«Да, не привыкнуть к потерям и опозданиям...»	67
«Маленькие, жёлтые, осенние...»	67
Запахи ветра.....	68
Остров. Детство	68
«Отче наш! Во гневе и любви...»	69
Иван Иванов	
Пскову	70
«Темные лики славянских икон...»	70
«А он успел перед войной жениться...»	71
«Мужики не вернулись с войны...»	72
«Вот берег, вот река – покос...»	73
Доброму человеку.....	73

	Виктор Зверев	
Русская Голгофа		74
«Я весь до донышка пскович...»		74
Псков		75
	Алёна Жеглова	
Князь Трувор		76
Озёра начинаются		76
Амударья		78
	Сергей Горшков	
«Россия любит умерших поэтов...»		79
«Перевязан Псков мостами...»		79
У театра.....		80
В семь утра о ЖеКаХа.....		80
Русь моя!.....		81
	Игорь Горич	
Искра Божья		82
Сказать		82
Снега былых времён.....		83
Словенские ключи		83
	Татьяна Гореликова	
«Видишь, Родина, как в мирном небе играют зарницы?...»		84
Мой город		84
Нищий.....		85
«В голом поле деревушка...».....		85
«Ставни накрест заколочены...»		86
«У пустых дворов замирает вздох...»		86
	Артур Гайдук	
Легенда		87
Отречение (диптих)		88
Гетто		90
Антибиблия		90
	Марина Волкова	
Русский мир.....		91
Ольга.....		91
«Вернулись к ночи аисты на крыши...»		92
«А душа широка, как земля...»		92
Изборская крепость		93
	Эдуард Волков	
«Древний город над Великою рекой...».....		94
Ода Пскову.....		94
«Будь славна, Псковская земля!..»		95
	Андрей Васильев	
«Копья зарыты, победы забыты...».....		96
«Не падёт и полмира, как я научусь говорить...»		97
«Март подкрался. Кто-то в дураках...»		97
Золотарь		98

Старая пластинка.....	99
«Затухали в ночи поездов отголоски...»	99
«Как пуля вылетает из ствола...»	100
Игорь Варзаков	
Поклон тебе, великий Псков.....	101
«На окраине города Остров...»	102
Андрей Бениаминов	
Слово	104
Я ещё живой	104
Всё как было – так есть	104
Старый сад	105
Чудная птица	106
Наталья Аурова	
От креста до креста.....	107
Безмолвие.....	107
Время проталин	108
Мысленный грог.....	108
Белый слон.....	109
Евгений Ауоров	
Дорога к храму	110
Белое.....	110
Остров.....	111
Островские мосты.....	111
Яблочный кисель	112
Если в небесах не будет нас.....	112
Владимир Аликин	
Два княжеских меча.....	113
Валентина Алексеева	
«Эти псковские церквушки...»	114
«Не пытайся меня переделывать...».....	114
Предназначение	115
Такое время.....	115

Словенское поле – 2013

Стихи

Допечатная подготовка: И.Г. Александрова
Корректор Т. П. Николаева

Подписано в печать 25.12.2013. Формат 60х88/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Объем 7,5 п. л.
Заказ 927. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография»
180004, г. Псков, ул. Ротная, 34